

Ария Тес

Довод для прощения

<https://litres.ru/74490269>

Аннотация

! — первая часть **!** У всех таких романов один финал, и когда он бросил меня, чтобы сохранить свой брак, я думала, что умру. Наверно, что-то во мне действительно погибло. И слава богу! Потому что когда через три года судьба снова нас сталкивает, я уже не та «малышка Женя», которая его боготворила. Я его ненавижу. Всей душой. И нет ни одного довода для прощения — я никогда не подпущу его ни к себе, ни к сыну. К его сыну.

#бывшие любовники #встреча через время #общий ребенок
#стекло #сложные отношения #тяжелое прошлое #неожиданные повороты #измена

Содержание

Это снова случилось, но случилось по-другому	4
Глава 1. Укусила и в кусты	18
Глава 2. Иногда так бывает	40
Глава 3. Поразительная способность влипать в неприятности	60
Глава 4. Ты не даешь мне дышать — я тебе тоже	86
Глава 5. Месть	104
Глава 6. 3...2...1 — лови!	125
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Это снова случилось, но случилось по-другому

Первая часть

ДОВОД ДЛЯ ИЗМЕНЫ: <https://litnet.com/ru/book/dovod-dlya-izmeny-b448948>

Он взрослый, сильный и циничный, а еще он женат, и я его любовница.

Наши отношения начались с его визитки, тогда же на моем таймере начался обратный отсчет времени. «Все кончит-

ся плохо», я это всегда знала и отчаянно старалась сбежать, но не успела. Мне суждено было поселиться в его постели и отдать свое сердце. Ему суждено было сменить простыни, разбить это самое сердце вдребезги...и оставить мне ребенка, которого я воспитаю «лучшим»...кем он никогда не был.

#измена #любовники #властный герой #молодая, но умная героиня с характером #треугольник

Три года назад

Пойти к его дому, как чертовой побирушки, меня толкнула нужда. Накануне, позвонила Ника и сказала, что квартиру они наконец-то продают, долго извинялась, но что мне сказать на это? Пожалуйста, подожди немного? Я беременна от своего женатого любовника? Такое вывалить на подругу, от которой я скрывала свои отношения, не могла.

Тем более...у меня появился повод его увидеть...

Так глупо.

Я все еще цеплялась за призрачную надежду, что все это какой-то приколы или розыгрыш. Или возможно...так надо?

«Просто сейчас так надо» — повторяла себе каждый день перед сном, пока ждала его у окна.

Не приехал. Даже близко его не было...

А потом я узнала, что Влад решил отказаться от политики по семейным обстоятельствам и уехать в Европу. Месяц прошел, а у него все так поменялось...

Догадаться, почему именно он улетал, несложно, наверно? Скорее всего, это было условие Евы? Или так они пытались наладить свои отношения? Хотя даже тут я умудрилась найти знак для себя: он уезжает, потому что ему сложно. держаться. от меня. подальше.

Ну не дура ли!

Вспоминаю его взгляд, тот мимолетный взгляд, которым он меня ошпарил...и не узнаю. Он никогда так не смотрел — будто сквозь, понимаете? Будто и не я вовсе стою под дождем...пока его сранная жена получает свою сатисфакцию.

Господи, пусть и нельзя так говорить, но как же я надеюсь, что вам обоим прилетит за то, что вы сделали...как же я надеюсь, пока сижу на кухне в папиной квартире и сжимаю пухлый конверт с деньгами во внутреннем кармане джинсовки.

А сама глаз поднять не могу.

Мне так стыдно...что мне снова придется унижаться. И признавать правоту Инны не хочется...а придется. У меня выбора другого нет...

- Жень, не молчи... - обеспокоено говорит папа, хмуро глядя на меня.

Знаете? Я бы предпочла, чтобы еще одна сранная жена так дальше меня и игнорировала, но она якобы жарит картошку, как будто чувствует.

А меня дико тошнит.

Я шумно выдыхаю, чтобы не поделиться новостями са-

мым красочным и запоминающимся образом, а потом шепчу.

- Я могу вернуться домой?

Ха!

Раздается и отбивается от стены.

Кто именно владелец этого «ха», думаю ясно? Папа на нее косится, но ничего не говорит, зато мне вот кивает по-доброму...

- Конечно, Жень, что за вопросы?

- Богачи, видимо, в Ниццу свою свалили, да? А нас не взяли...

- Инна, прекрати.

Инна прекращает, но, я уверена, ненадолго. Тем более, приступ тошноты подводит меня под монастырь: приходится резко вскочить и нестись в ванну.

Ну и, собственно, все. Как я и говорила — самое красочное признание из всех возможных.

Когда я захожу обратно, уже всем плевать и на картошку, и на гипотетическую, ядерную войну, которая могла бы гипотетически развязаться прямо в нашем дворе. Инна смотрит на меня расширенными глазами, потом резко опускает их к животу, который я защищаю ладонью, и тут же выпаливает.

- Беременна... Ты беременна!

А у меня нет сил защищаться.

Их просто не осталось.

Я дышать нормально не могу, у меня от боли душевной все тело сводит, сердце на разрыв, какое там защищаться? Закрываю ладошками лицо и начинаю плакать. Возможно, это гормоны? Мне бы хотелось на них все спихнуть, но правда в том, что я просто больше не могу. Не могу...

- Женя, маленькая... - папа отчаянно подается на меня, но я не могу слышать этого слова!

Истерика становится плотнее, и я отшатываюсь от него в стену, а Инна начинает голосить...

- Я так и знала! Знала! Притащила мне в подоле спиногрыза! Как ты могла?! Трахаться научилась, а презервативами пользоваться нет?!

- Инна, закрой свой рот! - рычит папа, и я впервые вижу его в таком бешенстве, поэтому замираю.

Инна тоже. Правда снова ненадолго.

Она фирменно оскаливается, плавно переводит взгляд на меня, ошпаривая ненавистью, а потом усмехается гадко.

- Ты там про аборт говорила? Ну и? Сходи. Сделай. Ты же голосила об этом, так вперед! И нечего слезы лить! В следующий раз думать будешь!

Это. Приговор.

Мне так страшно... Колошматит, потому что я не знаю, что делать. Как я буду воспитывать ребенка? Что станет с учебой? С карьерой? Все перечеркнуто одним жирным именем: Владислав — гори в аду — Довод. Который обещал мне весь мир, а сам не смог даже расстаться лично.

Он бросил меня по смс-ке! Как самый настоящий мудака!
Но...

Ребенок...

Я касаюсь рукой живота, где живет моя кроха, и понимаю, что убить его позволю только через собственный труп. Ни за что! Никогда! Никому! Близко! Не! Позволю! Подойти!

И именно это собираюсь сообщить своей мачехе, только вот не успеваю.

БДЫ-Ы-Ы-ЫЩ!

На всю кухню звучит такой мощный удар, что все содержимое стола просто валится. Что на поверхность, а что прямо на пол.

У папы, оказывается, огромный кулак...и характер не пропал — жив. Настолько жив, что даже картошку пугает и заставляет шипеть тише.

Ну или это просто воображение? Однако, на кухне повисает мертвая тишина. И через пару мгновений звучит его тяжелый голос.

- Собирай свои шмотки, и чтобы духу твоего не было в моем доме!

Если честно, то в первое мгновение я думаю, что он говорит это мне. Инна тоже. Вижу, как ухмылка трогает ее губы, а гадливый тон только подтверждает:

- Слышала отца, потаскушка? Пошла...

- Я это говорю тебе, старая гарпия!

Он так резко вскакивает, что табурет валится на пол с гро-

хотом. С грохотом! Но ему плевать. Папа смотрит на Инну так, будто убьет ее через секунду, но ее берет для концентрации. Ему требуется время, чтобы собраться и продолжить...

- Посмеешь мою дочь еще раз оскорбить, ты, твою мать, пожалеешь! Я все сделаю, чтобы твою жизнь спалить до основания!

- Костик...ты...ты чего?

- Ты говоришь о моей дочери и о моем внуке, собака су-тулая! Убирайся из *нашего* дома к чертям! Завтра же я подаю на развод!

- Какой раз...развод...ты что...

Инна начинает обильно всхлипывать, но папа отрезает взмахом руки. И пусть его голос дальше падает до тихого, он говорит серьезно.

- Ничего обсуждать не будем. Все решено. Моя дочь мне важнее какой-то там бабы, а еще и внук?! Думать даже не буду! Собирайся. Ты больше здесь не живешь. Женя, иди в комнату, тебе нельзя нервничать. Поговорим, когда *посторонних* в доме не останется.

Посторонних в доме не осталось только через четыре долгих часа. Но я ничего против не имею. Мне даже на руку. Что ему сказать, я даже не знаю, а когда он открывает дверь и заходит ко мне — слов в принципе нет. Я просто вскакиваю с кровати и врезаюсь ему в грудь, на которой рыдаю еще три часа к ряду.

Сейчас

Причина всего этого безумия передо мной.

Влад Довод. Квинтэссенция моей ненависти. Так было? Так. Именно так! Потому что это правда. Я даже сказать ничего не могу, тупо смотрю на него, как немая, пока челюсть свело напрочь.

- У тебя дерзкий язык, девочка.

«Дерзкий язык» — проходит по позвоночнику очередной волной холодный воспоминаний.

- ...Ну и? Теперь ты его проглотила? - хрипло тянет, а для меня это еще один удар под дых.

От его голоса в голову прилетает мощный удар. Ее как будто вообще сняли с плеч, хорошенько встряхнули или даже в футбол поиграли, а потом водрузили на законное место.

Я вообще ничего не понимаю.

Только пелена красная стягивается перед глазами, и я слышу, как из-за слоя колючей ваты, незнакомый смешок.

- Похоже, ты ей просто сильно понравился. Поэтому мне — хамство, а тебе горячие взгляды...

Это тот самый блондинчик, которого я обложила перед входом, но мне плевать. Я его мажу коротко, а потом возвращаюсь обратно к Доводу.

Чертов ублюдок!

Как так...можно? В голове не укладывается. После всего! Он просто сидит и смотрит на меня, словно ничего не произошло. Словно это нормально. Словно так и надо. Можно.

Разве так можно?! С людьми...

Но, видимо, в *его* мире за милую душу.

То, что я делаю дальше — логике не поддается. Медленно наклоняюсь к столу, чтобы забрать у него сигарету и вижу, как его взгляд падает мне в декольте. Смотри, сука. Мне на-срать.

Затягиваюсь. От вкуса его губ, оставшегося на фильтре — штырит. Наверно, это мазохизм? Наверно, да.

Они именно такие, как я помню. Сладковатые. Потому что ты любишь сладкое. И ты весь именно такой, как в эту секунду — холодный, циничный, бесчувственный ублюдок. Остальное я себе придумала. Не было никогда ни хорошего, ни мягкого, ни ласкового. Ты — кусок вонючего говна, и знаешь что?! Я тоже больше не та «малышка».

Усмехаюсь слегка, выпуская дым ему в лицо, а потом хрипло шепчу.

- Здесь нельзя курить.

- *Мне* можно все, - парирует, дернув кадыком, и я также плавно выпрямляюсь.

Не сомневаюсь, кусок мудака, ох...не сомневаюсь. Киваю пару раз, пока меня натурально кроет от желания вцепиться ему в морду когтями. Только это не вариант. Я знаю. Челяди нельзя касаться Божества. А причинить хоть какой-то вред так хочется...и ярость так велика...

Боюсь, я не смогу сдержаться.

Да. Не смогу.

Щелчком отбрасываю окурок ему в стакан, а потом беру коктейль, который он мне «купил» и выплескиваю прямо в ненавистную морду. Довод выдыхает и расставляет руки в стороны, а меня так греет, что я начинаю смеяться и со всей силы вдалбливаю тонкую ножку в его мобильный.

Знаю, что по-детски, а я обещала, что стала взрослой, но это единственное, как я могу хотя бы немного ему отомстить и подгадить, чтобы уйти со спокойной совестью.

Точнее сбежать.

Так надо сбежать... На воздух. Срочно!

Но руку обвивают знакомые пальцы выше локтя, и также знакомо дергают обратно...

- Ты, сучка бешенная, охрене...

БДЫЩ!

Да-а-а... знаете? Ева то была права. Я — дворняга. А пощечины? Они для королев. Поэтому я бью его не невинно «ладошкой», а хорошо поставленным «хуком» справа, вложив туда всю свою ярость и ненависть.

Влад тут же хватается за лицо. По его пальцам бежит кровь, а меня уже хватают охранники. Но я не теряюсь. Напоследок выплевываю:

- Я тебя презираю, гандон! Чтоб ты сдох!

Плюю ему под ботинки и смеюсь, пока меня уводят. Взгляда не отвожу. Лишь молюсь, чтобы его шандарахнуло когда-нибудь, как меня. Прямо в его мерзкую, напыщенную харю! Прямо в лоб бумерангом!

О своем импульсивном поступке жалею уже в такси. Что я натворила?! Зачем?! Надо было просто встать и уйти! Оставить этот чертов бокал на столике, а самой вызвать машину и свалить, как можно дальше! Но нет...не-е-ет, зачем?! Мы нарываться любим!

Что если он так просто это не оставит?! Что если...этот тупой поступок станет причиной, снова ко мне подобраться?! Что если...все начнется заново?

Сердце неприятно сжимается.

Я его перестала понимать давно. После всего, что произошло, оно все еще по нему скучает, все еще ждет, все еще любит. Вы представляете?! Какая дурость! Это ведь даже не смешно уже, но я чувствую...и сегодня почувствовала, как оно сорвалось и рвануло к Владу. Как потянуло...

Мне стыдно в этом признаться, но порой...когда эмоции становятся невыносимыми и прятать за агрессию, злость и безразличие уже не получается, я открываю секретную папку, в которой храню наши фотографии.

Я их все еще храню.

Она запрятана в самые недры моего компьютера, и я не позволяю себе даже мысленно построить к ней маршрут. Но иногда срываюсь...

Я пытаюсь понять. Все эти три года я все еще хочу найти причину...почему все так закончилось? Почему он ме-

ня бросил? Разве можно так притворяться? Разглядываю его лицо, улыбку, глаза. Клянусь, я в них себя вижу, и счастье вижу, и любовь тоже вижу! Неужели можно было так обмануть меня? Так ловко обвести вокруг пальца? Неужели я действительно просто тупая малолетка? Даже сейчас, когда уже, казалось бы, повзрослела?

Так. Ладно. Если я продолжу об этом думать — начну рыдать прямо в такси, а это позор. Прикрываю глаза, подставляю лицо под ветер из открытого окна и стараюсь прожить эти минуты до дома без мыслей.

С горем пополам выходит.

Когда я поднимаюсь в квартиру, папа еще не спит. Он посмеивается сам с собой на кухне, морщит нос, а потом активно нажимает на экран — переписывается. Понятно. Снова ему «не-моя-это-подружка!» пишет. Закатываю глаза и кладу сумочку на столик, а потом снимаю каблук.

Даже не замечает! Не его это подружка, а то как же...

- Кхм, кхм.

Папа вздрагивает всем телом и смотрит на меня широко распахнутыми глазами, как будто вор, пойманный на горячем. Я это итожу улыбкой.

- Передай «не-твоей-подружке», что варенье малиновое у нее просто супер.

- Я ни с кем не...

- Я в душ.

Оставляю ему смешок и поворачиваю к ванне, а в спину

летит:

- А ты чего вообще вернулась то?! Еще даже часа ночи нет!

- Голова разболелась.

И сердце.

Да. Чертово сердце, которое обливается кровью, пока я стараюсь смыть фантомную боль давно отрезанных поцелуев.

Только не плачь. Только не сейчас. Только не сейчас!!!

Потому что я стараюсь не падать на дно душевных переживаний рядом с сыном.

К нему я пробираюсь тихо и на полупальчиках, чтобы не разбудить. Малыш спит крепко, но чутко, а я не хочу его волновать. Глажу темные, мягкие волосики и улыбаюсь.

- Ты — единственная причина, почему я жива, - шепчу ему нежно, - Единственная причина, почему это было нужно. Мой мальчик, мой маленький котенок.

Я назвала его Константином в честь папы, но ласково всегда зову котенком. Или котиком. А еще у него нет поганого отчества — мое: Константин Константинович Крупский. Без Довода. И я, клянусь, все сделаю, чтобы так и было!

Глава 1. Укусила и в кусты

*там,
где ты
касалась
меня
руками,
до сих пор
разряды
идут
по коже.
что может быть
дороже
и слаще
памяти?
и что может быть
тяжелей
ее же?*

Вот теперь я могу начать ковырять себя ложками.

Когда оказываюсь в своей постели и смотрю в потолок, детально вспоминаю все те мгновения, за которые успела снова его полюбить и возненавидеть.

Потом вопрос, который мучает меня все эти годы, возникает сам собой...

За что он так со мной?...

Я часто спрашиваю об этом: себя, силы всевышние, да кого угодно.

Просто... за что? Ты ведь все знал, ты все знал! Даже если притворялся, ты же видел... что я то нет. Почему... как... как можно быть таким жестоким? Не отпустить меня тогда, зимой, подарить столько счастливых воспоминаний, говорить столько слов, давать обещания, а потом просто разом все выкинуть на помойку? Меня на части разбить? Разве я этого заслуживала?

Я же ничего не сделала. Никому, ничего не сказала. Его имя знает только папа, я даже Нике не смогла признаться, с кем закрутила роман. Все, что она знает — он был женат, а я дура. Просто дура! Которая умудрилась еще и забеременеть...

Конечно, она мне этого не сказала. Когда я с Никой все-таки поделилась, она сразу приехала в Питер и долго лежала со мной в обнимку. Молчала. Только по волосам гладила, а еще иногда по уже округлившемуся животу. Именно Ника помогла нам с папой и дальше. Точнее ее отец. Он устроил моего на отличную работу, а потом мы переехали из Красного села, чтобы навсегда закрыть эту часть нашей жизни.

Вообще, нам, конечно, *пришлось* переехать. Инна не оставляла попыток прорваться обратно, и это плохо сказывалось на мне. Я нервничала, переживала, мне даже в больницу на сохранение пришлось лечь! Мало того, что у меня своя, личная драма, так еще и эту переживать? Сложно было.

Так мы оказались на проспекте Славы в крутой, трехкомнатной квартире. Район выбирали долго. Папа ко мне в больницу каждый день приходил, и мы все смотрели-смотрели-смотрели фотографии, пока не наткнулись на эти шикарные, квадратные метры. Здесь и магазины близко, и парков много! Цена только кусалась, конечно: дом то новый, шикарный, с консьержкой и контингентом «выше среднего»! Это удручало.

«Возьму ипотеку» — сказал папа, поглаживая меня по руке, — «Не переживай. Теперь у меня работа хорошая, быстро свои дела поправим... Все будет хорошо...»

Только в этом нужды не было.

Я дико боялась рассказать папе правду и скрывала долго, с кем мне хватило мозгов связаться, но в момент, когда мне представилось, что он будет горбатиться и душу выматывать из-за какого-то там кредита... Черт! Весь страх растворился.

«Дома...» — прошептала я ему, — «У меня в шкафу секретный отдел есть... А там... В общем, ты возьми оттуда все и... и продай. У тебя же много всяких знакомых и... если что к папе Ники можно обратиться... Я... Этого хватит сполна...»

«О чем ты, Жень?»

«Просто сделай, хорошо? Я все объясню, но потом... не сейчас... я не готова, папуль...»

Из-за того, что я снова начала скатываться в слезы, ему пришлось согласиться. Конечно, ненадолго. Когда он при-

шел в следующий раз, взгляд его был до жути напуганным, что вполне объяснимо. Влад же любит широкие жесты, помните? С содержимым моего секретного отдела в шкафу фактически ювелирный магазин можно было открывать смело. И куда деваться то? Пришлось рассказать все.

«Папочка...прости меня, пожалуйста...» — лепетала я, рыдая в три ручья, — «Я знаю...знаю, ты не этого от меня ждал, но...Я так в него влюбилась...не смогла...прости меня...»

Если честно, я думала, что он скажет что-нибудь из того же разряда, что сказала Ева. Не знаю почему. Но он сгреб меня в охапку и крепко-крепко обнял со словами.

«Еще раз попросишь за это прощения, в угол поставлю! Не смей! Ты ни в чем не виновата! А вот я? Да! Если бы не ушел в себя, я бы...заметил...и...может быть, смог бы тебе помочь? Если бы...»

Он винил себя, вы представляете?! Винил. Себя! И даже не знаю, что было хуже. Все-таки я сама согласилась, и это моя ошибка...

Кстати, Довода он обещал порезать на лоскуты и скормить собакам. Не знаю, где он собирался их искать, но по огню в глазах я поняла, что найдет, даже если собаки станут внезапно исчезнувшим видом.

Это сердце мое на чуть-чуть успокоило и залечило. Со всем немного стало лучше.

Потом переезд. Он тоже меня отвлекал: обустройство до-

ма, выбор мебели, детская... Я пол не узнавала до последнего, как будто страшно было! Словно, если узнаю, кого жду, все вдруг станет реальностью.

Ага. А живот огромный на такие мысли тебя не наталкивал? Ха-ха-ха!

На самом деле, нет. Мне казалось, что все это сон, а проснулась я только с первым криком своего Котика. Вот тогда то я и поняла, что детство кончилось...

В принципе, не могу сказать, что жизнь моя сложилась плохо. Папа вышел из многолетней депрессии, начал работать по своим способностям и дорос до крутого начальника. Купил себе хорошую машину — целое Вольво! После родов мне нужно было привести себя в форму, и мы вместе пошли в спортзал, так что он еще и пузико свое пивное убрал. Кстати, пиво он больше не пьет вообще. Вечерами, правда, все также зависает перед телеком, только не муть всякую смотрит, а детские, развивающие передачи. Вместе с внуком.

Так забавно...

Они сидят одинаково, хмурятся, изучают... Сын у меня — огонь! Научился ползать в полгода, а к восьми месяцам впервые встал. На задницу, правда, сразу шлепнулся, но не сильно расстроился по этому поводу. Похныкал пять минут, и то для вида, и опять потянулся на ножки. Первый шаг сделал в год. Прямо на день рождение! К тортю потянулся! Я сразу тогда о Владе вспомнила... прорыдала потом очередную ночь, но в тот момент позволила себе улыбнуться и подумать, что

любовь к сладкому, видимо, у Доводов в ДНК.

Ходить мы его учили тоже очень забавно. Точнее...папа учил. Я то вообще, как ошалелая была...когда его впервые мне принесли, такая паника взяла: Котик был крупным, — от того все, кто видел меня беременной, думали, что жду я близнецов, — но все равно ведь кроха! Мне так страшно было его поранить, сделать что-то неправильно...уронить. Господи! Я так боялась его уронить! Каждый раз, когда брала на руки, вцеплялась намертво, а одного не оставляла вообще никогда. Если он лежал на кровати, глаз не спускала!

И все равно не уберегла... черт!

Этот ужас случился, как раз в период, когда мы учились ходить. Я Котика все за ручки водила, помогала, показывала, как надо, но он ни в какую! Боялся что ли? Сделает один шаг, и на попу шлёп! А потом со скоростью Флеша уползает...Папа смеялся. Он говорил, что я также делала, поэтому и пошла поздно, и то, наверно, только благодаря маме. Она на рынке увидела новомодные «ходунки» с веселыми огоньками, и купила, не пожалев достаточно крупной суммы для того времени и нашей семьи. Вот и он также: однажды вечером, умудренный опытом, припер дико громкую, веселую игрушку с огоньками и различными кнопочками. Интересными кнопочками. Очень интересными кнопочками.

Боже. Я ее просто ненавидела! Котик напротив. Она ему безумно нравилась, не смотря на то, что он ей все стены на

прочность проверил. Кстати, это и была главная причина, по которой я эти ходунки на дух не переносила — малыш, бывало, бежал и с разбегу в угол! Главное, хохочет, а я, кажется, приобрела признаки ранней седины и тахикардию заработала.

Поэтому в тот злосчастный, дождливый день я и не посадила его по-привычному в любимую, гоночную машинку. Деда не было. Папа уехал в командировку на пару дней, и просить было не у кого. Что вы думаете? Значит, сами.

Я буквально на секунду отвернулась, чтобы помешать суп, когда раздался ужасающий грохот и очень-очень-очень громкий плачь. От которого у меня сердце, скорее всего, сократило свою жизнь на пару лет точно. Дальше я помню все урывками: как выбежала в коридор, где мой малыш истошно вопил с огромной ссадиной на лбу, из которой фонтаном лилась кровь. Такого ужаса я не испытывала никогда... даже с Евой мне было не так страшно! Помню, как подхватила его, как побежала звонить папе и в истерике просила помочь. Он сказал — беги к соседке! А дальше я не слушала. Даже, по моему, звонок не отключила: понеслась, как чокнутая, и слава богу... СЛАВА БОГУ! Лариса была дома!

По итогу, если честно, по большей степени она успокаивала меня...

«Фон...фон...фонтан! Я...на секунду...всего на секунду...» — оправдывалась, громко всхлипывая и заикаясь, пока мой Котик, блин, с интересом разглядывал ее красивый ку-

лон на груди.

Да, цацки мы очень уважаем: и посмотреть, и попробовать, и сорвать, чтобы себе забрать. Как ворона, блин! Но сейчас не об этом...

«Жень, успокойся. Это дети. С детьми всякое бывает...»
- она щедро намазала зеленкой совсем небольшую ранку на лбу и заклеила пластырем, - «Ничего с твоим богатырем не будет. Он уже и забыл...малыш, вернешь мой кулон?»

Ага, сейчас. Котика тут вообще больше не было — он крутил красивый камень и наблюдал, как его «внутренности» переливаются на свету.

«Но там...там фонтан был...»

«О да, артериальное кровотечение!» - усмехнулась женщина и посмотрела на меня с теплой иронией, - «Не выдумывай. Ты просто испугалась, а теперь утрируешь...»

«Вы уверены?»

«Жень, я двадцать пять лет работаю хирургом. Успокойся, прошу, а то ведешь себя хуже Константина...»

Константин...так по-взрослому, что я аж сморщилась. Привыкла ведь, что КОНСТАНТИН! у нас исключительно папа...

Кстати, о нем. Вы еще не догадались? Хорошо. «Не моя подружка» — это именно Лариса. Я ведь хорошо помню, как он после произошедшего пошел ее благодарить, а потом стал активнее налегать на тренажеры. Фу, но особенно для

филейной своей части. И именно из ее квартиры доносился чудный шлейф малинового варенья. Конспираторы, блин! Но я не давлю. Надеюсь, что скоро они оба будут готовы и во всем сознаются, а пока... что ж? Значит, так надо и им так комфортно.

Ладно-ладно-ладно. Я действительно очень неплохо устроилась. С учебой у меня проблем нет, и получилось сделать так, чтобы я не пропускала год. Никин папа договорился, и я ему за это благодарна. Живу в шикарной квартире, которой мне за глаза и за уши. Папа выполз из своей ракушки и живет полноценной жизнью, строит карьеру, а главное — у меня просто замечательный, любознательный и красивый малыш. У него черные, огромные глазища с невероятно длинными ресницами, губки бантиком и шикарная шевелюра, которой позавидовал бы сам Роберт Паттинсон! А еще я его не убила! Не покалечила. Не испортила ему никак жизнь. Даже от гоночной машинки избавиться удалось без проблем! Она с тех пор из дома была удалена на веки вечные. Я ее видеть больше не могла, Котик тоже потерял всякий интерес. Испугался. Не знаю, чего больше: меня или удара, но теперь он по стеночке передвигался исключительно на своих двоих. Надеюсь, что так он потерял всякий интерес к любому виду экстремального вождения...если не забывать, кто его папаша — это будет очень кстати.

Чего я жалуюсь? Ну правда? Да, в груди у меня полная Сахара и месиво, ну и что? За все надо платить, да и могу

ли я что-то изменить? Вряд ли. Просто принимаю данность, поворачиваюсь на бок и закрываю глаза.

Ему нет никакого смысла мне искать. Мстить. Пытаться что-то выяснять. А этот случай в клубе? Да боже! Думаю, что он мне простит маленькую, женскую месть. В конце концов, кроме нее я ничего не сделала.

Да. Простит...

Однако в груди продолжало неприятно вибрировать что-то протестующее.

Нет, Жень, не простит. Все только начинается...

Я уже говорила, что научилась забивать болт на паранойю? Так вот. Я научилась забивать болт на паранойю — повторяю еще раз и подытожу следующим: на предчувствие забить не получилось.

С самого утра я, как на иголках. Хожу туда сюда, места себе найти не могу, хмурюсь...

- Хватит уже брови строить, - задумчиво тянет папа, пока читает сводку новостей по работе, - Морщины пойдут. На ботекс денег не дам.

Показываю ему средний палец.

- Же-еня... Я все вижу! Если Котик начнет палец показывать в садике, краснеть будешь жутко. Предупреждаю.

Фыркаю.

- Отстань, бога ради...

- Так, что происходит?!

Папа блокирует айпад и складывает руки сверху в замок.

- Почему ты такая нервная?! - шепотом добавляет, - Еще больше, чем обычно...

Да они сговорились что ли все?! Смотрю на него супер зло, а в ответ получаю прищур.

- Не смотри на меня так, или, клянусь, я закажу таки эту табличку.

- Хватит подтрунивать надо мной!

Котик подает голос. Речь, правда, непереводимая, только ему понятная, но я сразу реагирую на сына и смягчаюсь.

- Может...его показать врачам?

- О господи...!

Папа обречено смотрит в потолок, но потом сразу на меня.

- Женя, может тебя врачам показать?!

- Да почему?!

- Да потому!

- Но он же уже должен говорить!

- А он что делает?!

- Лопочет!

- Котик хорошо говорит для своего возраста!

- Но...все равно! Вдруг что-то не так?!

- Он ребенок и все с ним нормально! Прекрати быть на-седкой и дергаться по поводу и без, а лучше объясни — что с тобой происходит?!

Ломаюсь. Мне очень хочется сказать, что я видела Влада, но страшно. Папа ведь не шутил, когда говорил про лоскуты и псов, а еще носить передачу в СИЗО?! Ну уж дудки, для одной жизни мне достаточно ужасов! Поэтому я смягчаюсь окончательно, подхожу и обнимаю его за шею.

- Прости...просто переживаю из-за практики.

- Там проблемы?

- Да не то чтобы... - уклончиво отвечаю и оставляю поцелуй на щеке, - Все хорошо. Просто накручиваю себя...

От дальнейших объяснений меня спасает звонок телефона. Радостно улыбаюсь и сбегая в комнату, по пути потрепав малыша по волосам.

Экран мой буквально горит и не из-за чрезмерной яркости, чтобы вы понимали. Это звонит Нинка. Помните? Та рыжая девчонка — староста моего класса. Мы с ней теперь очень хорошо общаемся, и это с ней вчера я должна была отжигать всю ночь, а не пытаться не рыдать до самого подъезда на такси.

Я улыбаюсь, когда смотрю на ее красивую, яркую гриву упругих кудряшек, но моментально улыбка сходит на «нет». Она ведь единственная, кто видел нас с Владом вместе! И вчера...вот...черт!!!

Остальным подружкам я объяснять про свой побег не стала ничего, и вряд ли поменяла бы мнение даже сейчас, но это не тот случай явно. У меня по позвоночнику проходит такой холод, что кажется его залили жидким азотом.

Твою мать!!!

- Да?! - снимаю трубку резко, а дверь прикрываю напротив тихо.

Не знаю зачем. У папы нет привычки подслушивать мою девичью трескотню. Но *что-то* мне подсказывает, — разговор будет именно о нем! — а я не хочу, чтобы даже случайно папа услышал хоть полсловечка. Хоть краешком уха, хоть кусочком пятки! Неважно! Если он узнает... начнется охота на ведьм, как минимум! Гарантия — сто процентов и его заново приобретенные косые мышцы, бицепсы, трицепсы и далее по списку.

Ну уж дудки! Для верности выхожу еще и на балкон, когда слышу смешок...

- Ну привет, дорогая...

Понятно. Все, блин, понятно!!!

Прикрываю глаза, высунувшись в приоткрытое окно. Очень хочется закурить, только я себе рядом с сыном такого в жизни не позволю сделать. Черт.

- Знаешь...

- Знаю...

- То есть это ты его приложила? - аккуратно интересуется, я вздыхаю, - Понятно... Женья, блин! Ну ты даешь!

- Пожалуйста... не говори, что он к тебе подходил...

- Еще как! Они с другом подсели к нам...

- ЧТО?!

- Ага. Только мне кажется, что он меня не узнал.

- Нин, он — эгоистичная сука. Ты чего ожидала?
- Ну да...логично. Виделись то всего один раз.
- И то в темноте.
- Точно.

Повисает неприятная пауза. Она ждет, чтобы я созрела, а я собираюсь попрощаться. Только с губ срывается не нормальное «спасибо, что сказал. Пойду...», а...

- Он что-то спрашивал?

Выпаливаю быстро, как пулю выпускаю, в ответ получаю уклончивое...

- Спрашивал...

Твою...мать!

Сердце тут же замирает и начинает барабанить, а я не своим голосом выдавливаю.

- Что вы отве...отвечали?...

Нинка усмехается.

- Господи, да успокойся! Я сразу сообразила, что это ты его шарахнула, и предупредила девчонок, чтоб молчали.

- Не даром ты — отличница и медалистка.

- А еще супер-верная подруга. Забыла? У нас правило: своих не сдавать.

- Да как тут забудешь?

- Во-во. Отшутились просто и забыли...

- Дай угадаю...

- Ага, про отсутствие у тебя оргазмов.

Вот...твою мать!!!...

- Прости. Это Коваленко. Она на тебя, кстати, обиделась. Подумала, что ты мне что-то сверх "общедоступного" рассказала, раз я предупреждаю...

- Но ты же не поделилась?

- Я сказала, что ты написала о конфликте, но на этом basta. Позвони ей хоть, знаешь же, какая она ревнивая...

- Позвоню. Спасибо, Нин.

- Да было бы за что. Ты как?

- Нормально...

- Точно? Этот был злой, как черт. Официанток шугал, потом ушел, даже не попрощавшись.

- Он — эгоистичная сука.

- Да уж...и то верно.

Мы еще немного поболтали о том, как они офигенно провели вечер и как этот блондинчик, которого, оказывается, зовут Даня, понравился нашей любимой Коваленко.

Потом я позвонила ей.

Крис немного губы подула, что я ее лично не предупредила, но быстро даровала амнистию, зато надолго погрузила меня в рассказ о сказочном Дане.

- Будь с ним аккуратна, ладно? - тихо прошу, сидя на своей кровати, но Крис только весело смеется в ответ.

- Ты так про всех парней говоришь...

- Возможно, но он...особый случай.

- Почему это?

- Они сидели в экстра випке. Ты же понимаешь, что это

означает?

- Ох, боже, опять твои заскоки! Нике это говори! Она за такого замуж вон выходит!

Я прикрываю глаза.

Знаю. Мне это не нравится, но Ника счастлива. Она, кстати, вернулась в Питер и вернулась не одна. Тот юрист, с которым моя лучшая подруга начала встречаться в Москве, теперь работает здесь. Его перевели, и он позвал ее обратно к истокам. Она согласилась. И на предложение, которое он сделал ей на Рождество, тоже.

Никита неплохой парень. Высокий, очень симпатичный, со светлыми волосами и идеально выбритым подбородком, а еще он, кажется, действительно любит мою девочку. Единственное, что меня в нем напрягает — статус: он из «того» мира. У его родителей крупное, молочное производство, и все, что вы добавляете себе в кофе, в кашу, или просто пьете — их рук дело. Сейчас кресло директора занимает его старший брат Сергей, который тоже показался мне вполне себе ничего. Приезжал на одни выходные в апреле, где мы и познакомились.

И все равно!

Для меня теперь все, что связано с «их» миром — сплошная грязь и стрем. А Коваленко только хохочет...наверно, как я когда-то?

Я в последний раз прошу про меня ничего не рассказы-

вать, а потом обрубая звонок. Жаль, также просто вырубить панику не могу...на ее волне я прошу папу перенести наш поход в Океанариум на следующие выходные, и он кивает.

- Конечно, Жень, как скажешь.

- Прости...мне правда надо по учебе все хвосты подчистить.

- Понимаю.

- Может закажем доставку? Посидим вдвоем у телека?

- Легко.

- Круто!

Так я и провожу, собственно, все выходные. Носа из дома не высунув, то есть.

Как идиотка! Ну серьезно! Натуральная дура или Моська, которая тяпнула, а теперь в кусты...

При том, я из этих кустов не высовываюсь всю неделю. Осторожно осматриваюсь по сторонам, вечно начеку, дергаюсь каждый раз, когда крутая тачка пролетает мимо...Только к середине недели удается поубавить запал, и только к выходным окончательно отпускает.

Мда...ну ты точно форменная дура, Женя.

Думаю, пока в пятницу готовлю ужин себе, сыну и папе, который задерживается на работе (а на самом деле уже час назад приехал и поднялся в соседнюю квартиру). Это уже даже несмешно, ну правда! Только если совсем чуть-чуть...

Динь-динь

Котик моментально реагирует на мой телефон, сидя в

кресле, и я улыбаюсь ему, оставляю поцелуй на макушке и шепчу.

- Сейчас мама посмотрит, кто ей там пишет, а ты пока смотри мультик.

- Ма-а-а...!

Он радостно причмокивает, улыбается мне открыто, аж сердце щемит, но телефон вибрирует снова, и приходится оторваться от своего карапуза.

Ника

Хэй-хэй, детка! ♥#

Ника

Не отвлекаю?

Вы

Нет, что такое?

Вы

Привет))) ##

Ника

Да я просто уточнить...тебя ждать завтра? Ты же не бросишь меня?

Ох боже...я совсем забыла! Ника просила приехать и по-

мочь ей выбрать песню для свадебного танца! Черт!

Прикрываю глаза, как раз в тот момент, когда в замочной скважине звенят ключи.

- Я до-о-ма!

Слышу, как папа раздевается, потом проходит на кухню с довольной, счастливой улыбкой. Малыш сразу к нему тянется, и сразу, собственно, попадает из неинтересного кресла к очень интересному деду. А я нервно грызу ногти...

- Боже... - папа усмехается, прикрыв глаза, - Ну что на этот раз?

- Я забыла совсем...Нике обещала завтра приехать и выбрать песню для танца...

- И в чем проблема?

- Мы же собирались в Океанариум...на рыбок посмотреть. Ты что?! Забыл?!

Папа улыбается и качает головой, а потом смотрит на сына:

- Котик, твоя мама иногда ведет себя глупо. Когда это происходит — люби ее еще сильнее, пожалуйста...

- Па-ап!

- Ну что, Жень? Прекрати ты уже бояться меня или Котика разочаровать. Ты прекрасная дочь и лучшая мама. Не получится в эти выходные, сходим в следующие. Да, малыш?

- Ма-а-а!

Котик тянет ко мне ручки, и я с улыбкой его забираю, сразу попадая в их ласковый, но уже достаточно крепкий плен.

Улыбаюсь. Да, вот оно — я сильно боюсь снова быть «недостаточно хорошей», поэтому часто чрезмерно сильно нервничаю.

- Спасибо, - одними губами говорю, он тепло мне улыбается и кивает.

- Люблю тебя. Езжай к Нике. Проветришься с молодежью.

- Ты меня все выпихнуть к молодёжи хочешь...

- Может это мой коварный план? М?

Папа моет руки и заговорщически смотрит на меня. Подмигивает даже! Вы посмотрите только! Вот что с человеком может сделать свидание!

- И какой же план? - саркастично спрашиваю, а потом отдаю сына, прежде чем у меня его нагло похитят!

А его похитят.

Папа Котика с рук не спускает вообще.

- Иди сюда-а-а, богатырь! И как какой? Хочу еще одного внука! Вон какой красавчик!

Начинается игра в «кыли-кыли», так что мою гримасу стирает звонкий смех Котика. Слава богу. Не хочу портить этот прекрасный момент очередной порцией своего загона: с мужиками я завязала раз и навсегда — это не шутка и не прикол, а осознанное решение.

Я правда больше не переживу.

Пусть папа и относится к моим заявлениям с большим скепсисом, но я то знаю — мне достаточно. Все сердце больше нет места от дыр. И из-за Влада...черт бы его побрал...

- Пойдем чего-нибудь посмотрим, да, Котик?

- Пап, а ужин как же?

- Я не хочу, на работе перехватил...

Ну да. Ну да.

- Слушай... - решаю дать прозрачный намек, пока он не ушел.

Папа выгибает бровь.

- М?

- Может...ну раз я так...то вы сходите вместе? Ну...в Океанариум. *Вдвоем.*

Намекаю, право дело, как могу. И интонацией, и брови тоже подключаю, взгляд там. Мол, ПРИГЛАСИ ТЫ УЖЕ ЕЕ НА СВИДАНИЕ! НА НАСТОЯЩЕЕ! А НЕ ВОТ ЭТО ВОТ ВСЕ СЕКРЕТНОЕ!

Самое прекрасное — чувствую, что он все понимает. Загадочно так улыбается и кивает...

- А что? Может и сходим?

- Да...думаю, что стоит. А то что...вам вечно в квартире что ли сидеть? Надо и на людях показаться. Чтобы все видели какой у тебя прекрасный *внук*. *Внук*итакое любят. Чтобы все *видели*, а не *прятали*.

Это по опыту, ведь "внук" здесь означает совсем не Котика.

Папа это снова чутко улавливает, но оставляет реплику без комментариев, только тихо усмехается и уходит, а я во

все тридцать два лыбу давлю, аж щеки болят.

Вы

Лап, я обязательно буду) ♥#

Ника

Круто! Ты так долго отвечала, что я уж подумала, ищешь отмазку...

Вы

Папа вернулся со свидания) Говорили)) Прости...

Вот и скажите мне: чего это я «злая собака»? Когда мне теплее от того, что моим близким тепло?

Глава 2. Иногда так бывает

- ...И что? Он продолжает качать попу?

Мы смеемся уже битый час: я, Никита и Ника, но когда речь заходит за ТАКУЮ тему, я тут же морщусь и перестаю хихикать. Зато эта парочка аж на разрыв.

У них очень красивый, большой, загородный дом. Иногда, когда я приезжаю сюда, сравниваю его и Лисий нос. Иногда не делать этого невозможно. Мне приходится признать, что как бы горько не звучало, но этот дом — семейный, а тот, как правильно подметила Ева, все-таки больше *блядский*.

Наверно, все приходит с опытом.

Я хорошо помню, как пищала от восторга, но сейчас, после того, как розовые очки мне вдавили до ствола мозга, я на многое стала смотреть по-взрослому. Увы, и даже такие мелочи теперь бросаются в глаза и выделяются ярче.

Вот этот дом — тут любовь, чистота. Она отражается даже в том, как бережно Никита сжимает Нике плечи, как он ее постоянно касается. Говорят, у мужчин всегда любовь проявляется в тактильном контакте: он тебя здесь погладит, там волосы уберет, поцелует, как бы между делом. Как касался меня Влад? Пошло и достаточно недвусмысленно. И что было в *«нашем»* доме? Одно блядство и порок.

Увы и ах.

- Очень смешно. Ха-ха! - цыкаю, улыбаюсь, пусть на ду-

ше кошки скребут, сама незаметно прячу разочарование и горечь в высоком стакане со вкусным коктейлем.

Пить я раньше не любила, да и сейчас не фанат. Маленький ребенок сильно дисциплинирует и не дает провалиться в забытие, но к алкоголю стала относиться проще. Одним словом, больше он не вызывает внутреннего бунта и недовольства, потому что, наверно, и он выглядит в ином свете — помогает вывозить все то, что меня пожирает ложками. Хотя бы изредка дает возможность отпустить внутренний контроль, которым я себя, как тисками сжимаю, чтобы не развалиться на маленькие осколки.

- Да брось, это же круто, что он нашел себе женщину!

- С которой сейчас развлекается в Океанариуме!

Вот тут я улыбаюсь искренне и со всей душой, перевернув фотографию моего малыша и деда рядом с огромным скатом.

- Вправо смотрите — там в отражении видно Ларису...

Пара секунду медлят, а потом взрываются новым витком смеха, а я? Что я? Поддерживаю, только головой качаю и цыкаю.

- Конспираторы, блин!

- Почему он скрывает? - мягко спрашивает Ника, я жму плечами.

- Не знаю. Может быть не хочет ранить меня из-за мамы, а может стыдно из-за Инны.

- Но ты не же против...

Ник приподнимает брови, пряча улыбку в своем стакане, я мотаю головой.

- Очень даже "за". Никто не должен быть один — я за него очень рада. Лариса — топ.

- Раз уж об этом заговорила...

О боже.

- Мой брат о тебе спрашивал.

Резко расширяю глаза, чем смешу в очередной раз почти-женатых-людей. Господи!

Цыкаю.

- Ты же знаешь мое правило, Ник. Я не встречаюсь с мажорами, уж извини.

Ник не знает мою историю целиком. Ника клятвенно обещала, что никогда ему не расскажет, однако, он достаточно умен, чтобы срассить «два» и «два» — очевидно, что мой «парень», от которого я родила ребенка, непростой. И отношения у нас тоже были непростыми, а закончились катастрофой. Так всегда и бывает, да? Когда такие вот правила появляются по итогу. Женщина не черствеет в одночасье. Для этого нужна охренеть какая «благоприятная» почва, а у меня был лучший чернозем во всей вселенной.

Хорошо, что он относится с пониманием, не обижается и не пытается меня переубедить или вступить в другие баталии — очень хорошо.

- И правильно. Мажоры — дело гиблое.

- Кто там про гиблое дело говорит?

Незнакомый голос звучит неожиданно. Я хмурюсь, оборачиваюсь в сторону холла, но его от нас отделяет стена, и кто это сказал — я не знаю. А вот хозяин дома, очевидно, еще как! Ник широко улыбается и встает, Ника быстро поясняет:

- Это его друзья. Прости, что не предупредила, забыла совсем.

О боже. Закатываю глаза, хотя с другой стороны, да? Какое мне дело. Да и что я? В чужом доме порядки свои наводить буду? Киваю, слегка улыбаюсь, но двигаюсь ближе к краю, потому что слышу, что шагов явно больше одной пары ног.

Бо-о-оже...ну сейчас начнется.

Ника встает, аккуратно поправив юбку. Нервничает заметно сильно, поэтому я смотрю на нее и слегка подмигиваю, как бы говоря: ты выглядишь замечательно, успокойся. У меня закрадываются сомнения, что моя девочка немного слукавила и не сказала мне о друзьях, потому что переживала, что я не приеду, а одной ей было страшно. Это ничего. Я ей прощаю не глядя: она все-таки в первый раз замуж выходит, ну и честно? Я бы ей простила если не все, то очень многое, а еще могу ее понять: от мест скопления мажоров, я стараюсь держаться подальше. По понятным причинам. И какотреагирую на такую вот новость — неизвестно.

Эх, ладно. Что уж там? Начнем строить из себя вежливого человека — ссор только не хватает накануне свадьбы.

Делаю большой глоток «напитка храбрости», потом встаю

следом. В холле кто-то ржет в голос, и я не сразу понимаю, что это Ник.

Ого, никогда не думала, что он может быть таким громким.

Ник вообще очень спокойный парень. Веселый, но не бурно. Скорее сдержанный. Сейчас? Сейчас все иначе. Он буквально ухохатывается, и Ника, неловко почесав затылок, смотрит на меня с непонимающей улыбкой.

- Просто потрясающе! Тебе так идет!

- Заткнись...

О нет.

Одно слово выбивает у меня из под ног почву.

Всего одно — твою мать, сука! — слово! Я ловлю дикий шок, не могу пошевелиться, хотя и очень хочется сбежать отсюда даже на своих двоих! Даже если до города десять километров по ночной трассе! Мне плевать! Я хочу сбежать! Потому что так не бывает! Не бывает!

Но ярко белая макушка wpłyает в гостиную, а за ней он. Господин — сгори ты уже в аду! — Довод.

Улыбается...

Как мне когда-то улыбался... ну... в тот период, когда я думала, что у нас действительно настоящие чувства.

Сердце дико колошматит в груди. Больше всего на свете я мечтаю проснуться и понять, что все это какой-то сюрреалистичный кошмар, выстроенный на недавней, внезапной встречи, но...

Влад поднимает глаза и застывает. Рядом его дружок делает тоже. И это... это все, сука, правда! Не сон! Это моя больная реальность!!!

- Так... - Ник ничего не замечает, а протягивает Нике ладонь, - Ну... парни, это моя Ника. Ника — это Даня и Влад. Мы с ними учились вместе в школе, и с тех пор...

- Друзья навек, - тихо перебивает его Даня и заставляет себя перевести внимание на невесту.

Твою мать!

Пока Даня театрально целует лапку моей кисы, я пребываю в аду. Влад продолжает насиловать меня взглядом.

У него под глазом здоровенный фингал, и я не могу сдерживать легкой улыбки перед тем, как отвести все внимания к камину. Все-таки это приятно, что я хоть какой-то след сумела оставить на холенной роже.

- А это кто?

Голос «Данечки» — а его хочется называть только так, еще и добавить очень много сарказма — тянет тихо, с явной насмешкой и игрой. Это неприятно. Я еле сдерживаюсь, чтобы не фыркнуть, а еще больше от того, чтобы сбежать. Ради Ники. Чуйка подсказывает мне, что как бы там карта не легла, но о том, что было между нами, знает исключительно ограниченный круг лиц, и ограничен он мной и этой наглой мордой. Не знаю почему я так в этом уверена, но уверена на три миллиона процентов — он не рассказал. Молчит. Значит, и я буду молчать. Также по контракту? Я в принципе

молчать должна и вид делать, будто между нами ничего не было?

- Ой! А это Женя, моя самая лучшая подруга! Мы с ней фактически с пеленок вместе, так что тоже друзья навек!

Ника с воодушевлением представляет меня, и Данечка делает шаг, протягивая мне руку. При том ладонью вверх, чтобы, видимо, полабызать и мою ладошку.

- Поражен и восхищен, Евгения...

Ага, сейчас. Смотрю с нескрываемым скепсисом на такое предложение, потом плавно, но очень показательно, прячу кисти за спину, сцепив их намертво, и улыбаюсь очень-очень холодно.

- Извините, но я не люблю, когда меня трогают чужие люди. Боязнь микробов.

Скорее, боязнь ублюдков. Я ведь себе скорее горло вырву собственными когтями, чем позволю ему или Доводу меня коснуться.

Но это внутренний шов, а внешний — всегда красивый и ровный. Улыбаюсь лучезарно и киваю.

- Приятно познакомиться.

Черт. Звучит очень с сарказмом. Даня это чувствует по наитию. Он сжимает кулак со смешком и кивает, отвечая мне моей же монетой.

- А мне то как. Очень красивое платье, кстати, но вы не думали, Евгения, попробовать золотое? Мне кажется, что золото вам очень подойдет.

Сука.

Намек на мой прошлый наряд, который так феерически запомнился своей откровенностью и мощным хуком справа, результат которого отлично смотрится на морде Довода. Да и плевать. Я плавно перевожу на него взгляд и ухмыляюсь, без стеснения разглядывая синяк.

- Знаете? А думаю, вы правы. Золото всегда оставляет незабываемое впечатление. Как вы считаете, Влад?

Меня ударяет током.

Он медленно облизывает губы, и пусть внешне я — скала, внутри меня обливают мурашки и крутит из стороны в сторону. Потому что я хорошо помню, на что этот язык способен, если применить его по назначению. При том во всех смыслах: от горы вранья, до выписывания кругов на моем теле.

Бл*дь.

Не дожидаясь ответа, разворачиваюсь и грузно опускаюсь на диван. Кажется, вечер перестает быть томным.

Никита и Ника не замечают повисшего напряжения, пусть оно и искрится в воздухе так сильно, что его сперло и натянуло, как канаты. Вздохнуть сложно. Я рада, конечно, хотя и не понимаю, как они могут такое игнорировать... Наверно, дело в Дане. Он оказался харизматичным и обаятельным настолько, что быстро сконцентрировал на себя все внимание:

сидит по середине дивана, восторженно болтает, а мы с Владом по разные стороны баррикады. Надутые, оба злые, оба хотели бы схватиться за ножи. Ну я так точно.

Уму не постыжимо! Как такое может быть?! Ну КАК?! Таких совпадений просто не может быть! Почему из всех парней во всем мире, Ника познакомилась именно с его другом?! Почему у них все сложилось и сложилось настолько, что они через два месяца женятся?!

И почему у нас не сложилось ничего?...

Глаза немного режет, а в носу покалывает, пока я вывожу молча круги на обивке дивана. Этот вопрос бередит старые раны, и если я сейчас продолжу — вечер обещает перестать быть не только томным, но и впишется в самые унижительные из списка самых унижительных вечеров. Потому что я разрываюсь. Клянусь, я еле сдерживаюсь уже сейчас! А рыдать перед бывшим любовником, которому на тебя насрать?! Ну уж дудки!

Вздыхаю тяжело и включаюсь в беседу — это лучшее, что я могу сделать, чтобы отвлечься.

- ...Ну и нам в который раз пришлось закрыть это бунгало на ремонт! Клянусь, эти чокнутые, московский извращуги скоро доведут меня до ранней седины!

Не знаю, о чем там рассказывает Данечка, но все смеются. Стараюсь поддержать хотя бы улыбкой, но тут же внутренне сжимаюсь в спазме, потому что Никита спрашивает:

- А у тебя как, Влад? Как Ева?

Убейте меня, умоляю. С одной стороны, как бы тупо не звучало, мне дико интересно. И хочется. Хочется услышать, что он сейчас немного сморщит нос, как делает, когда ему задают неприятные вопросы или он раздражается, а потом скажет: да пошла эта Ева в задницу! Потому что да. Мне хочется, чтобы он сказал, что у них ничего не получилось. Малодушно хочется именно этого... узнать, что его семейная жизнь, как бы они не пытались, рухнула.

Там ведь нет никакой семьи!

Снова звучит внутренний протест, однако, это только мои домыслы, которые не получают отклика.

Влад слегка жмет плечами и кивает.

- Все нормально.

Сухо, но вряд ли имеет значения: Влад не любит говорить о своей личной жизни. Или вообще о жизни. Правду.

Никита это, очевидно, тоже знает, поэтому усмехается.

- А ты, как всегда, многословен...

- Да не знаю, что сказать. Нормально все. Ева сейчас...

- А можно мне выпить? - пресекаю рассказ о его сранной жене, и Ник тут же переводит взгляд на меня.

- Черт, прости. Сейчас...

- Давай я!

Даня забирает инициативу вместе с моим стаканом, встает и подходит к бару. Я за ним цепко слежу и правильно делаю. Он только ждал момента, кажется, чтобы я рот открыла. Провокация уже почти перезрела, как никак.

- Что предпочитает дама? Виски? Ликер? Шампанское? А может быть водку?

И ухмыляется. Подначивает. Играется. А потом вступает и Довод. Он допивает свое виски, бросает на меня взгляд и тянет нагло.

- Думаю, последнее. Она похожа на ту, кто очень любит водку.

Моментально меня ошпаривает ярость. Я медленно перевожу на него взгляд, и не думаю отводить, даже когда мы опять сталкиваемся.

Кажется, если сейчас зажечь спичку — красивый дом четы Астаховых взлетит на воздух.

- А вы бы хотели, чтобы я предпочла сухой Мартини с тремя оливками? Как ваша жена?

На самом деле, это пальцем в небо. Я не знаю, чем заливает свою гнилую душу госпожа Довод. Ее муж со мной такие вещи никогда не обсуждал, но, судя по тому, как он сцепил челюсть — я попала в точку.

Хмыкаю и отвожу глаза. Не могу. Не выдерживаю. Это испытание, увы, мне не по плечу.

- Я вас разочарую, видимо, по всем фронтам, - тихо заканчиваю, - Виски с колой.

Надеюсь, мне больше говорить не придется.

Ловлю на себе обеспокоенный взгляд Ники, но слегка улыбаюсь и мотаю головой, мол, все нормально. Она не знает. И не узнает. Зачем? Новость о том, что кого Ника назы-

вает «ублюдком паскудным», сейчас сидит в ее гостиной, вальяжно раскинув ноги, вряд ли поспособствует торжеству. Ставить под угрозу ее счастье? Да ни в жизни! Я хоть и знаю, что Ник ее любит, и мне доподлинно известно, моего «парня» он называет точно также — все равно так себе гарантии. Они могут поссориться в попытке отстоять своих друзей, а я этого не переживу. Ника его действительно любит...но и меня любит тоже. Я за нее в огонь, и в воду, она туда же. Кто знает? Вдруг дружба и в *их* мире имеет иную цену? Точнее, имеет хоть какую-нибудь? Ник может считать также, а это конфликт. Никому не нужный, пустой конфликт.

Поэтому никаких скандалов. Надо просто подвести разговор к сути и побыстрее свалить отсюда, как можно дальше.

Вздыхаю, приняв стакан из рук парня, и усердно думаю, как лучше все это провернуть, когда Ник снова спрашивает.

- Ну и что, Влад? Как тебе в России?

Горько, но я снова напрягаюсь всем телом. Ругаю себя тихо, что по-прежнему хочу знать, как у него дела, и готова ловить информацию по крупинкам...

Боже...какая же я жалкая...

Говоришь, повзрослела? И где твоя хваленная логика? В трубу вылетела в который раз, когда разговор о Доводе зашел?

Ненавижу...

- Очень хорошо. Я скучал по родным пенатам.

- Европа — не то, скажи?

- Определенно, - мягко смеется, - Я уже с ума схожу от их бесконечных ограничений. Хорошо, что моя ссылка закончена.

Что?...

Замираю всем телом, а пульс ускоряется. Что это значит? Какая ссылка? И...он...он возвращается?

Никита отвечает таким же мягким смехом.

- Из огня, да в полымя?

- Да.

- То есть ты все-таки решился?

- А почему нет? Я этого хотел, а ты же знаешь...

- Когда ты что-то хочешь, ты это получаешь.

- Точно.

- Я считаю — за это надо выпить! - вклинивается Даня, - Хватит уже наш прекрасный Питер украшать старыми мордами! Дорогу молодым! И все такое. К тому же, представьте только, как шикарно он будет смотреться на всех этих предвыборных плакатах!

Меня уносит холодной волной. Застываю, не могу пошевелиться, а в ушах, кажется, снова начинает звенеть — он будет участвовать в выборах. Серьезно?! Нет...СЕРЬЕЗНО, БЛ...?! Ты — судьба, настолько сука?!

Еще как! Слышу, как звенят стаканы и чувствую, что вся толпа смотрит на меня. Ждут. А я, клянусь, сдохну скорее, чем выпью за эту хрень. Пошли вы все!

Моргаю пару раз, поднимаю глаза, но поджимаю губы.

- Извините, я аполитична. Но поздравляю, господин Довод, - киваю и отпиваю немного без воодушевления, - Наверно, вы и правда будете неплохо смотреться на плакатах. Надеюсь, без синяка. Пойду покурю.

Кажется, я все-таки испортила вечер. Черт. Но, честно? Этот удар выдержать оказалось сложно.

Он возвращается...

Будто это что-то значит...Сердечко мое отбивает быстрый ритм. Оно что-то празднует, потому что оно, глупое, не понимает — ничего не поменяется. Какая разница?! Ну вернулся. Ну будет снова жить здесь. Будет работать. Будет участвовать в выборах по второму кругу. Дальше что?! Только хуже станет! Если раньше я могла заблокировать его везде и видеть, только если сама не выдержу — теперь о собственных порывах можно забыть.

Мне *придется* его видеть.

В прошлый раз все было именно так. Его рожа украшала почти каждый билборд на каждом повороте. И по второму кругу...черт...

Прикрываю глаза, прижавшись спиной к лодочному домику у озера. Территория у друзей — огромна. Здесь есть и баня, и летняя кухня, и веранда, а еще лодочный домик, где Ник хранит свои припасы для рыбалки, в которой души не чает.

Ну почему...почему он не может также? Иметь нормальное хобби? А не отдавать всего себя женщинам, которые ис-

числяются в миллионах?

Съезжаю по стеночке и подтягиваю ноги к груди. Сигаретный дым медленно уползает в потемневшее небо, а дышать дико сложно. Жаль не из-за курева. Очень жаль.

Меня как будто окунуло в собственную грязь, и я к такому не была готова. Хорошо одно — все-таки встречи он не искал и вряд ли будет. Какой в этом смысл? Судя по всему, им с Евой все-таки удалось сохранить отношения, не смотря на левак. Хотя...как там говорят? Левак укрепляет брак? Вряд ли их обоих сильно волнует отсутствие моногамии.

Ладно. Если серьезно, то ершиться можно до конца времен, а признавать, да, больно, но да, надо: Влад говорит о Еве с теплом.

Раньше, он говорил о ней с отвращением — теперь с теплом. Ха! Как быстро меняются приоритеты...с другой стороны, есть особое волнение, когда ты видишь, как народная мудрость из присказки становится непреложным обетом. Или константой: левак, по всей видимости, действительно укрепляет брак. Единственное, что меня в этом радует, что там было еще прилагательное «хороший». Хороший левак укрепляет брак, так что, судя по всему, спасибо? За высокую оценку моим...как там было? Способностям круто стонать и в узлы завязываться? Да. Именно им.

Так. Ладно. Прекрати. Тебя это больше не касается! У него своя жизнь! И главное, что в твою он лезть не собирается. *Это*главная константа, а не какой-то там бред-оправ-

дания мужу изменщику: Он. Больше. Тебя. Не. Тронет.

Только вот стоит мне произнести такие простые слова, как все получается ровно наоборот.

Я слышала, что говорить о чем-то в слух, а тем более так отчаянно повторять, или по-простому каркать, дело гиблое. Нельзя. Надо ситуацию отпускать, а не призывать самый плохой поворот событий всеми фибрами души. Я слышала, но, видимо, где-то повернула снова не туда, потому что когда я закурываю вторую сигарету, слышу, как по каменной тропинке звучат тихие, спокойные шаги.

И я знаю, что это он.

Все мое нутро поджигается, а потом начинает истерично трепыхаться. Кожу обдаёт мурашками. Тело снова пылает там, где он касался, то есть везде.

Я знаю, что это он, понимаете?! Знаю! Поэтому не поднимаю глаз, когда до блеска начищенные туфли останавливаются прямо напротив. Тупо смотрю на струйку дыма, он тупо молчит.

Твою мать...

- Отвали от меня на хер, - цежу еле слышно, сразу получаю смешок.

- А ты, я смотрю, продолжаешь дерзить? Слышала выражение «не по Сеньке шапка»?

- Слышал выражение: отвали от меня на хер? Надеюсь, что с возрастом на слух не начал жаловаться.

Чувствую, как притворное веселье растворяется вместе с

моим дымом. Кажется, на этот раз я действительно довыеживалась...

- Встала, - звучит холодное, я пытаюсь спрятать испуг и волнение за притворным смешком.

- Отсоси...

Женя. Если я когда-то говорила, что ты дура — прости. Прости меня, родная ты моя душа, любительница острых ощущений на свою сладкую попку. Ты не дура, нет. Ты просто идиотка! Снова лезешь на рожон, как будто промолчать не можешь! Ведь все же могло быть иначе...

Но все так, как есть.

Довод шумно выдыхает носом, скорее всего и крылья его затрепыхали, как шторка на ветру — так всегда и происходило, когда он сильно злился, сейчас то он сильно злится. Прямо в бешенстве! И я это, опять же, сразу улавливаю, только время отмотать назад не могу...да и честно? Едва ли я поступила бы иначе...кажется, рядом с ним я генетически неспособна выбирать правильные варианты...

Секунды не проходит, как он хватает меня за предплечья и с силой дергает на ноги.

- Руки убери, козел! - взвизгиваю, но сразу притихаю. Серьезно.

Я его таким бешеным еще не видела. Плотно сжатые челюсти, желваки, играющие в пинг-понг друг с другом, сжатые губы в тонкую линию. И пальцы на моей коже, которые продолжают сжиматься и вдавливаться, причиняя физиче-

скую боль.

Мамочка...

- Отпусти... - стараюсь не умолять, но получается с натяжкой.

Голос жалкий и блеклый. Я натурально боюсь его сейчас, и это, наверно, читается во всем моем существе.

- Отпу...

- Выбросила сигарету, - звучит хриплый, севший голос.

Его я тоже, кстати, не узнаю, но от него уже бегут мурашки. Будто...знаете? Вроде что-то знакомое, а одновременно совершенно новое.

Твою мать! Во что я опять вляпалась?!

- Чего еще?!

ТВОЮ МАТЬ В КВАДРАТЕ! Прекрати дергать его за усы! Однако, язык мой — враг мой, он действует быстрее каких-то там инстинктов самосохранения...

- Убери от меня свои чертовы руки, ублюдок или...

Что там «или» проглатывает история. Довод делает на меня шаг, вдавливая в злосчастную стенку домика, нависает сверху, а его запах...сводит с ума.

Меня так ведет, что мир вокруг распадается на части, а остаются только его глаза. Черные дыры, что выжигают из меня душу.

- Выброси. Свою. Блядскую. Сигарету. Сейчас!

Начинаю защищаться. У меня в башке тумблер будто переключает, и я пытаюсь вырваться, потому что то, что я чув-

ствую...это неправильно. Все, что здесь происходит...как тогда в номере...неправильно. Его близость должна отвращать, а она возбуждает. Былые чувства вырываются из под замков. Я веду себя тупо, потому что дрожу и жду...Жду, когда он сделает следующий шаг, как в засуху дождя ждут!

Все снова повторяется...

- Пусти! - отчаянно шепчу, но куда там?

Он стоит, как скала. На своем. Сигарета тлеет. А мне все страшнее от того, что будет, если я проведу так еще хотя бы одну секундочку...

Потому что и взгляд я этот тоже знаю. Знаю! Я знаю...

Единственный вариант — вырваться. Как? Как?! Тут уж паника действует за меня. Я разворачиваю сигарету угольком к нему и изо всех сил стараюсь припечатать о кожу. Влад это видит, но видит поздно, и когда я касаюсь целым спасительным огнивом! а его иначе назвать просто не могу! Резко отшатывается и шипит.

Вот так! Теперь бежать...

Разворачиваюсь, чтобы совершить последний маневр, но он подскакивает ко мне быстрее. Снова хватает за запястья, только сейчас сжимает их еще сильнее, и я опять взвизгиваю, а от неожиданности теряю последнюю защиту.

Палочка падает к ногам.

И что-то мне подсказывает, туда же упадет моя гордость. Через пару мгновений...

От автора:

*Знаю, что так обычно не делают, но мне так неймется,
вы бы знали)))Поэтому ловите еще одну главу))) мур мур ##*

Глава 3. Поразительная способность влипать в неприятности

Влад с силой прижимает меня к себе. Руки скрещены на груди, шелохнуться — ни одного вариантика, хотя я все еще трепыхаюсь.

Ладно, я достаточно активно вырываюсь, извиваясь, как змея. Шиплю ругательства, сыплю проклятиями и рвусь-рвусь-рвусь...как можно дальше от него.

Мне до слез больно быть рядом.

Физически — плевать, но вот морально? Он будто снова разрушает меня до основания, а я итак мертвая как будто. Знаете? Как карточный домик, на которого дунь только — и до свидания, долгие часы кропотливой работы.

Так вот. Моя кропотливая работа насмарку. Я словно та самая девочка-Женя, которая любила его до одури.

Хотя к чему лишние слова? Я итак та самая малышка Женя, которая любит...и я люблю.

Тоска накатывает. Я так сильно по нему скучала все эти долгие три года, я так...хотела...знаете? Просто понять! Что! Черт! Возьми! Сделала! Не! Так!

Можно говорить до бесконечности долго, что «такие романы заканчиваются одинаково», но мы любили друг друга.

Любили! Так невозможно притворяться...

Все эти три года у меня было много версий случившегося. Влад говорил со своим отцом, который наставил его на «путь истинный». Ему кто-то угрожал? Ему не оставили выбора? Черт возьми! Да я даже Еву в это приплела, мол, у нее какой-нибудь дикий компромат на него был! Я готова была построить любое, даже самое фантастическое объяснение того, что произошло, потому что не могла поверить! Не могла... А оказывается все, как обычно, давно уже кем-то другим придумано. Бритва Оккама гласит: самое простое объяснение — верное. Своим любовницам мужчины действительно говорят одно и то же. И про любовь, и про будущее, и про "не люблю ее давно". Сейчас, спустя три года, он снова приезжает и с теплотой говорит о Еве!

С блядской теплотой!

Вот так.

А я же ждала...

Знаю, что это прозвучит до ужаса глупо и жалко, поэтому скажу всего один раз: все эти три года я его ждала. Знаете... представляла, что однажды он просто приедет и все-все мне объяснит. Расскажет. И непременно заберет меня с собой. Куда угодно. Мне вообще было плевать! Лишь бы снова его обнять... Конечно, и ребенку он был бы дико рад! Естественно! А еще непременно отметил бы, какой хорошей мамой я смогла стать. Без него...

Наверно, отсюда и вся моя злость? Потому что этого, ко-

нечно же, не случилось.

Сейчас в тени огромного дуба, я снова думаю об этом и весь взор мой застилают слезы, потому что я неожиданно понимаю, какой херней занималась и в какую бредятину верила.

Как ты мог? Вот так просто...взять и отказаться от меня? От нашего будущего? Мы же планировали будущее...часами говорили о том, как будем жить вместе. Куда поедем. И в Европу ты *со мной* собирался, а не с ней. На острова. Потом в Америку в Диснейленд. Чем будем заниматься дальше...как назовем детей и какую свадьбу сыграем...

И я уж точно не представляла себе, что встреча наша будет случайной. Что он посмотрит на меня так, словно не было этого всего. Уничижительно. Небрежно. С ухмылкой. Я этого не ожидала! И снова злюсь.

Черт возьми! Меня просто взрывает от внезапно вспыхнувших, потаенных желаний и грез, и я рвусь с новой силой, но это приводит к плачевным последствиям.

Влад резко, сильно придавливает меня к стенке, руки прижимает теснее, а когда я пытаюсь его лягнуть, еще и бедра своими фиксирует.

Я полностью обездвиженна.

Вздохнуть получается с трудом, еще и поза настолько...похабная, что я чувствую его эрекцию точно между двумя половинками моей задницы! Уж извините за мой французский.

- Отпусти меня... - предупреждающе рычу, а в ответ только смех.

Его дебильный смех! Который я ненавижу до последней ноты.

- Какая страсть, девочка, какая экспрессия...

Пытаюсь зарядить ему затылком — теряю последний оплот надежды. Влад вдавливается в него щекой, вынуждая прижаться к стене своей.

Потрясающе.

Черт возьми. Просто...ай, что тут объяснять? Думаю, вы итак понимаете, насколько беззащитной я себя ощущаю. У меня все.

А для него это только начало.

Когда Довод понимает, что деваться мне некуда, немного расслабляет руки. «Немного» здесь действительно «немного», если что. Вырваться не смогу, зато у него появилась свобода для маневра.

К которому он незамедлительно приступает.

Обводит вокруг остро стоящего соска, который не защищает ничего — сегодня я надела кружевной, мягкий топик и никакого поролона. Знала бы? Нацепила броню!

Шепчет.

- А вот теперь поговорим, малышка...

- Ненавижу!

- Чш-ш-ш... - палец совершает еще один оборот, стягивая вниз живота все мое нутро.

Черт!

Так простреливает мощно, что я невольно закатываю глаза и сильно прикусываю губу. Никаких стонов! Никаких! Не получит даже маленького писка!

И это, снова, очень круто звучит, но на практике едва ли успешное предприятие. Понимаю отчаянно, пусть и стараюсь отнекиваться, но понимаю — когда Довод переходит в атаку, мне конец по всем фронтам.

Мое тело уже его приняло как-будто. Мозг в таких вопросах не участвует. Он может бастовать, может рваться наружу, только гормоны и долгое отсутствие контакта дает о себе знать.

Я изнываю. Мне не хватает секса — и это уже никакие не шутки, а горькая правда. Я хочу секса! Просто проблема в том, что хочу только с ним. Мужчины для меня не существуют тоже только из-за него. Я его хочу. И руки, и губы, и запах, и, снова простите за мой французский, член.

Господи...я безнадёжна...

Упираю лоб в стенку со стуком, и по мне проходит разряд тока мощностью равной одной электростанции, которая способна питать город, когда он цепляет мочку уха языком и слегка ее прикусывает.

Я тебя ненавижу...

- Ты хоть понимаешь... - глухо шепчет, продолжая играть со мной, - Что я могу с тобой сделать уже? За то, что ты себе позволила?

Я себе позволила?!

- Пошел на хер! - выплевываю, а Влад смеется.

- Храбрая, глупая девочка. Ты хоть понимаешь...

- Закрой свой вонючий рот и убери свой член от моей задницы!

На миг он замирает, но я не питаю иллюзий, что вдруг обрету свободу. Ага. Сейчас. Я слишком хорошо его знаю, но тогда...неужели намеренно его провоцирую? Неужели...я действительно делаю это специально? Не могу разобраться. Единственное противное, что его касания мне не противны.

Увы. Это так. Увы и ах! Это, черт меня дери, так...

Господи...Женя...ты просто безвольная тряпка...

Влад подается бедрам вперед, сильнее в меня вжимаясь, и от неожиданности из груди вылетает тихий стон.

Да, вот так просто. Да, вот так низко. Да, вот так подтверждающе все вышеперечисленное. Да...

Маленькая, влюбленная идиотка.

Женек.

Женек...

От обиды и досады жмурюсь, а глаза печет. Сейчас и слезы пойдут от немого бессилия. Да что ж ты делаешь со мной? Что ты бесконечно со мной творишь?! За что?! Я уже заплатила за наш роман сполна! Это уже чересчур!

- Презираю... - хриплю, облизывая вдруг пересохшие губы, - Я тебя презираю!

- Да ну?

Влад ухмыляется и перехватывает мои руки всего одной своей.

- Проверим?

До меня не сразу доходит смысл сказанного, но когда доходит, в объяснениях я не нуждаюсь — прекрасно знаю, как он собирается проверять. Больной на голову ублюдок...

- Я закричу!

- Не сомневаюсь.

- Не смей...ты слышишь?! Не смей! Я...

Ага, сейчас. Тебя так и послушали. Тебя же в этих отношениях всегда слушали...Довод задирает подол платья быстро и совершенно игнорируя мой лепет, и мне только остается разве что проклинать платья. Ненавижу платья! Они — залог моего падения на самое дно. Потому что остались считанные секунды до того, как он поймет: я настолько мокрая, что мои трусики неприятно липнут к коже и их смело можно выжимать.

Твою мать...

Чувствую, как пальцы касаются промежности, и вздрагиваю. Еще раз, когда он опять надо мной насмехается...

- Я думал, что презрение выглядит иначе, девочка...

- Отсоси...

- Всенепременно. Только сосать... - он плавно отгибает ластовицу в сторону и снова прикусывает мочку моего уха,
- ...Здесь будешь ты.

Мне бы очень хотелось сказать, что я смогла сказать ему

что-нибудь крутое. Как в не менее крутых фильмах про сильных, независимых женщин, но...к великому сожалению, все, что из меня вышло — это длинный, позорный стон, когда он впервые за три года снова коснулся моего клитора.

Убейте меня!

Воскресите и убейте меня еще раз: я кончаю почти сразу после всего пары поворотов хорошо знакомых пальцев. А он это чувствует...предусмотрительно зажимает мне рот ладонью, от которой пахнет дымом.

Какой позор...это мой самый унижительный оргазм в жизни, клянусь, но при этом самый мощный. В этом я тоже клянусь, пока содрогаюсь от волн дичайшего, острого удовольствия, которое расходится по всему телу и подгибает колени так, что они уже меня вовсе не держат.

Влад держит.

Спасибо, что не даешь мне рухнуть на грязный пол. Большое. С поклоном. Хотя знаешь?! Лучше бы я рухнула на пол, а не вот это вот все...Сами посудите: что хуже? Разбитые колени или душа?...

Ну вот. Давай. Ржи надо мной, козел...ну же...

Но он не насмехается. Я слышу громкое, частое дыхание, а потом глухой шепот:

- Прогнись в спине и ноги шире.

Не сразу соображаю, что это значит. Если честно, мой мозг все еще пребывает в густой патоке, так что Владу все приходится делать самому. Он дергает меня за бедра и на-

давливают на поясницу, так что ноги инстинктивно расходятся чуть шире. Потом я слышу, как быстро звенит пряжка ремня...

Вообще, Довод всегда утверждал, что не любит «быстрый» секс, а еще он не любит заниматься им в общественных местах. Ха! На это отвечу я. У нас все было иначе. Иногда мы заходили слишком далеко или простреливал какой-то особый момент, когда плевать было на все. Совершенно на все. И на возможность быть пойманными, и на то, что нас услышат. Тянуло просто дико, вело капитально, и все, о чем ты можешь думать — касаться-касаться-касаться.

Вот что происходит сейчас.

Влад вторгается в меня до упора, ждет пару мгновений, чтобы я привыкла, потом начинает быстрые, размашистые движения. Раз-два-три, гулкий стон, резко стягивает платье и топик с груди, сжимает ее и оттягивает за сосок. Я поддаюсь. Прикусываю его пальцы, которыми он закрывает мои губы, позволяю проникнуть себе в рот. Мне это нравилось. Точнее, мне нравилось, как ему это нравилось. И сейчас тоже заводит до предела.

Влад издает приглушенные стоны, которые тоже, по его заверениям, никогда не издает, ведь он «мужик, а не девчонка, чтобы стонать». Ага, конечно. В наказание за вранье, я в который раз прикусываю его за подушечку указательного и... чувствую это.

Он сжимается всем телом, подается вперед до упора, за-

мирает, а потом резко выходит из меня и извергается на несчастную стену — свидетельницу моего позора и падения.

Недолго музыка играла, однако. Ева, кажется, ни стонать, ни брать глубоко, ни в узлы завязываться за эти годы так и не научилась, раз ее муж выдерживает всего пару мощных толчков. Ха! Мысль гадкая и мерзкая, но меня она греет, и я тихо усмехаюсь. Снова чувствую в себе его пальцы...

Он никогда не забывал обо мне, и сейчас не забывает. Хотя бы в сексе, и за это спасибо...

Черт!

Второй оргазм уступает первому только слегка, но перед глазами все также бьют салюты...

Я откидываюсь ему на плечо и дышу часто, подрагиваю, а потом слышу...

- Еще раз увижу тебя с сигаретой, выпарю ремнем. Мы еще не закончили...

И это звучит скорее, как угроза, нежели обещание чего-то светлого...

Есть такое понятие — «эмоциональная яма». Наверно, после любого, огромного взрыва эндорфинов, ты в нее проваливаешься, как в болото. Краски вокруг сереют, радость уходит, а боль наступает на пятки. Так вот. Я сейчас не просто в эмоциональной яме, а на ее днище.

Сижу, подтянув ноги к груди, курю, держа сигарету тря-

сущимися пальцами, смотрю перед собой.

Не могу поверить, что переспала с ним. Не могу поверить, что сделала это, как стопроцентный *Женек*, у стены лодочного домика. Не могу поверить, что я все-таки и есть этот *Женек* — позорное клеймо любовницы.

Снова.

Снова на те же грабли! С размаху. Как обычно. Они в который раз проломили мне череп, и, может быть, в этом все дело? В конце то концов. У меня просто не осталось возможности думать, потому что думать нечем! Мозг утек сквозь все эти трещины, которые оставила близость Довода.

Какая же я идиотка...

Внезапно на меня навалилась вся до смешного прозаичная правда, и я снова думаю о том, что обычно самое простое объяснение — верное. Крутой секс и никаких привязок. Наверно, это тоже было прописано в его контракте. Между строчек, так сказать. Дергаешься? Получай порцию лапши, пока мне не надоело тебя трахать. Надоело? Можно и смску кинуть небрежно. Захотелось снова? А чего мелочиться? Залезу в трусы и даже не потружусь ничего вразумительного сказать.

Потому что что? Потому что не за чем. *Женеки* так все схавает и выдаст порцию настолько желаемого секса. Она все тебе отдаст. И девственность, и тело, и сердце, а что нужно будет — разберемся по ходу пьесы, остальное на помойку.

Помню, как когда-то он сокрушался, что год его жизни

придется выбросить из-за моих таких простых, нормальных желаний — быть рядом со своим мужчиной. Думаю, что вряд ли он переживал даже на один процент также сильно, когда накарябал мне ту отмашку. Очень-очень вряд ли.

Ну ничего. Возможно, это к лучшему? Знаете...такой контрастный душ. Он быстренько открыл мне глаза: все действительно было лишь ложью. Веселой игрой. Может быть экспериментом? В любом случае, в какой-то момент дело запахло керосином — королева поставила вопрос ребром. А что дальше было, вы помните. И я этого, увы, не забуду. Сложно забыть, как тебя выкинули за ненадобностью, когда неудобно стало, когда я начала пытаться слишком влиять на его жизнь и портить планы.

Просто это нужно принять. Успокоиться и принять. Только подальше отсюда.

В дом обратно идти желания нет никакого, но и выхода у меня тоже никакого нет. Плетусь, обнимая себя за плечи, пинаю камушки, а когда захожу в гостиную, вижу картину маслом.

Довод развалился на диване, цедит уже N-ый стакан и ослабленно улыбается. Как кот, который спер и сожрал мясную рульку.

Мерзко.

Меня окатывает волна презрения, точнее...она непременно окатила бы, если бы не было такого истощения. Просто где-то на задворках сознания я отмечаю, что совсем его не

узнаю. Он переводит на меня взгляд с ленцой, слегка ухмыляется, похабно осматривает с головы до пят, задержавшись на груди, а у меня сил нет даже на то, чтобы взорваться. Сейчас я его даже не ненавижу, но это еще хуже — я ничего не чувствую, кроме горького разочарования на языке с привкусом дыма, а еще липкий дискомфорт на коже.

Хочется в душ.

- Ник, извини, но я домой, - говорю тихо, подруга сразу хмурится.

- Домой? Я думала, что ты останешься...

Нет уж, спасибо большое. Я планирую никогда больше не встречаться с Доводом, так что, прости пожалуйста, уже завтра начну ломать голову, как избежать твою свадьбу. Но тоже не сейчас. Я слишком устала.

- Папа звонил. Я поеду...

- Что-то случилось?

- Нет. Проводи меня.

Ника знает, что я пока сама не созрею, ко мне с расспросами лезть бесполезно. Мы с папой в этом похожи — я поэтому на него отчасти и не давя. Нам просто нужно больше времени, а мне, наверно, и вечности не хватит, чтобы забыть...

Как я нечаянно повернулась, прежде чем выйти из гостиной, и увидела, что Влад переглядывается с Данечкой и ухмыляется. Как они чокаются. Как будто поспорили...на меня.

Мол, да, я ее трахнул. Ты сомневался? Эта сучка и на коленях будет ползти за мной, если я этого захочу.

Последняя черта.

Вот он мой рубеж.

И вот причина, по которой я горько плачу, не стесняясь таксиста, пока лежу на его задних сидениях, сжавшись в комочек.

Кто ты?

Я его совсем не знаю, а раньше думала, что знаю наизусть. Это тоже фальшь? Это неправда? Я себе все придумала? Я настолько дура, да? Кем я его считала? Влад не был «хорошим» мальчиком, но никогда не был жесток. Ко мне относился трепетно. Или я так просто хотела думать?

Кто ты? Тот самый незнакомец из бара? Но даже тогда ты мне таким не представлялся... а сейчас...неужели это действительно правда? Самое простое объяснение — верное?

Я действительно придумала тебя, Владислав Алексеевич Довод. И тебя никогда не существовало, да?...

От автора:

Со следующей главы я открываю подписку, поэтому, как и всегда, подписывайтесь на блог, где я обязательно выставлю пять промокодов для Вас ##

Что касается Ваших комментариев)) Спасибо огромное за каждое слово! Я все-все читаю))) Всегда улыбаюсь улыбаюсь и жду их с нетерпением))) безумно счастлива, что Вам нравится))) Спасибо за поддержку! Не забывайте ста-

вить звездочки)))#####Люблю ##

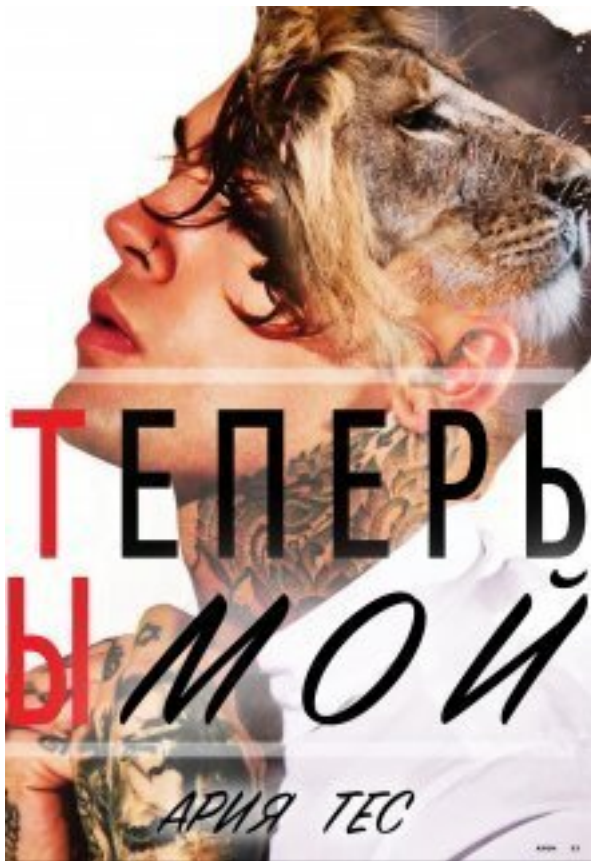
Также переходите в другие мои работы))Я Вас очень
жду##

Дай мне развод[https://litnet.com/ru/book/dai-mne-razvod-
b447486](https://litnet.com/ru/book/dai-mne-razvod-b447486)

Кто сказал, что договорной брак равно страданиям и вечным мукам? Глупости. Мне повезло. Ильяс шикарный мужчина, в которого я влюбилась без памяти, и мне казалось, что он тоже. До того момента, как я не решила устроить ему сюрприз. Там, под столом его кабинета, мне наконец открылась правда, и что теперь? Теперь я хочу развода! Только вот забыла: от некоторых мужчин просто так не уходят.

Теперь ТЫ Мой<https://litnet.com/ru/book/teper-ty-moi-b442490>

Я сделала все, чтобы он меня не нашел, но всегда знала — это непременно случится. Поэтому когда я слышу запах вишни в темноте, четко понимаю: раз так, теперь все будет иначе. Посмотрим кто кого, и кто теперь добыча, дорогой Лев.

Разрушь мои стены<https://litnet.com/ru/book/razrush-moi-steny-b441312>

«Я все объясню» — это, наверно, одна из самых популярных реплик у мужей-изменщиков. Об этом я узнаю, когда однажды прихожу домой пораньше и застаю его на нашей

постели с моей лучше подругой. Больно? Адски. Когда в меня летят жестокие оскорбления — большее стократно.

И вот, спустя три года, они все еще дают о себе знать: и слова, и поступки, и предательство. Иногда раны не заживают и за сто лет, лишь уродуют твою душу, делая злее и циничней. Со мной это и произошло. Я не ищу отношений, я их разрушаю: лучший адвокат по разводам — вестник разбитых семей. Это все я. Мать-одиночка? Тоже я. Высокие, непробиваемые стены? И это я.

Но все меняется, когда в моей жизни появляется мужчина, который разрушит их и вернет меня к истокам, хочу я того или нет.

Душа для Синеи бороды<https://litnet.com/ru/book/dusha-dlya-sinei-borody-b439686>

На что ты готов ради самого родного человека?

На все. Прописная истина, мне известная не понаслышке. Так и есть. Когда, прознав про мои способности, ко мне приходит незнакомец и показывает отрывок своего прошлого, я

хочу сбежать. Но когда следует предложение — понимаю: на него невозможно ответить отказом. Только куда меня приведет желание вылечить больного отца? Есть ли у «Синей бороды» душа? И существует ли он на самом деле, или его образ — дело рук «писателей» со стороны?

В тексте присутствует:

- Плавное развитие отношений;
- Влиятельные семьи;
- Уклон в мистику
- Попытка разобраться в себе

Измена: B-52<https://litnet.com/ru/book/izmena-b-52-b431484>

АРИЯ ТЕС

ИЗМЕНА

B-52

О нас часто говорили, что мы — «идеальная пара», но на деле у него уже год есть любовница, а я сижу и плачу в пустой прихожей у зеркала. Так все и будет?! Нет. Я беру себя в руки и вырываюсь из клетки, чтобы внезапно встретить того, кто изменит мою жизнь. Пожалею об этом или нет? Это покажет

время, а пока я выпиваю еще один коктейль В-52 и иду за ним, чтобы хотя бы попытаться в этом разобраться.

Свободный брак <https://litnet.com/ru/book/svobodnyi-brak-b453173>

Десять лет назад я познакомилась с любимым мужем и ду-

мала, что буду счастлива всю жизнь, но ровно через десять лет он приходит домой и вместо подарка предлагает "свободный брак". Что мне теперь делать, если я этого не хочу?...И можно ли что-то изменить, если это судьба...

Расплата за предательство <https://litnet.com/ru/book/rasplata-za-predatelstvo-b452662>

Много лет назад я совершила ужасное. Оно преследует меня во снах, напоминая о тяжести прегрешения, и ломает реальность, лишая возможности дышать ровно. Но с этим можно жить, это всего лишь отголоски и фантомная боль. Пока я не возвращаюсь домой.

Кто бы знал, что мой кошмар обретет реальность и найдет меня? Теперь не отпустит. Заставит заплатить за все, потому что я — предательница. Цена предательства — моя душа, которую он обязательно заберет, когда наиграется...

Глава 4. Ты не даешь мне дышать — я тебе тоже

История — циклична.

Это касается всего: мировых событий, искусства, моды, или жизни обычных обывателей. Иногда мне кажется, что высшие силы намеренно так с нами поступают — ну, знаете, заставляют ходить по кругу и исправлять свои ошибки. Мол, когда...НУ КОГДА ЖЕ НАКОНЕЦ-ТО! Вы, идиоты, начнете головой думать! Опирайтесь на опыт! Не наступать на грабли, дурные создания!

Ответ, видимо, простой: никогда. Об этом орет моя стертая напрочь кожа, которая зудит и кусается под кофточкой с длинным рукавом. Я так интенсивно работала мочалкой, что, кажется, стерла напрочь верхний слой своей несчастной шкурки. И следующий тоже. Вплоть до мяса, короче, в жалкой попытке смыть с себя позор и его запах.

Пилинг от бывшего в домашних условиях, блин.

А все равно его чувствую.

Остаток выходных он преследовал меня, как будто по пятам ходил, и злой я была настолько, что папа точно заказал эту табличку в дурацком магазине для дачников и садоводов!

Мне жаль, если что. Правда жаль, что мы срываем свою

злость, разочарование, обиду на людях, которые в этом совсем не виноваты. Я не подарок. Я никогда и не была подарком — у меня характер порывистый, взрывной, иногда взбалмошный и чокнутый, но при всем этом потрясающем наборе, я яростностью никогда не отличалась. Сейчас — очень.

Она меньше так и не стала.

Уже с утра я успела поругаться с таксистом, поцапать с какой-то *телкой* в магазине у универа, и отвесить злобно-саркастический комментарий в сторону Коваленко. Мне за каждое противное слово — стыдно. Правда. Я внутри ежусь, не знаю, куда себя деть, но не могу сдержаться.

Я просто не могу!

Будто снова оказалась в самом начале, когда только-только укладывала фундамент своего карточного домика адекватности. Все пущено коту под хвост. Все помахало ручкой. Он снова снес меня, выбил почву из под ног, и я, как на иголках. Снова жду его...

История циклична, ха! Однако, это так.

«Мы еще не закончили...» — угроза. Это самая настоящая угроза, мать твою! И я знаю, что он ее непременно исполнит. Я стараюсь больше не питать глупых иллюзий. С собой договориться, конечно, сложновато, увы. Сердечко радостно трепыхается в надежде, что вот сейчас! Сейчас! Настал *тот самый момент...*

Идиотка.

Какой момент?! Или что?! Ты хочешь сказать, что он тебя любит?! Да! Ага! Поэтому грязно трахнул и свалил, а потом за это с удовольствием выпил! Естественно! Это любовь такая. Совершенная...

И все равно оно бьется с надеждой, но я правда стараюсь. Единственное, что меня успокаивает — прагматизм. Я пытаюсь предугадать его следующие шаги, опираясь на опыт прошлого, чтобы не быть той самой идиоткой и не смешить судьбу. Наверно, он будет докапываться до меня исключительно в рамках подготовки свадьбы? И на ней самой? Наверно, так? В прошлом, как Влад мне сам потом признался, он прекрасно знал, что я ему позвоню. Ждал. И это была «леска», если вы помните этот прием. Закинул наживку и сиди на берегу вискарек потягивай, да с дружкой своим отбитым улыбайся. Все. Он знал, что я не сбегу, и сейчас все тоже самое — он знает, что я никуда не денусь с подводной лодки.

К сожалению, это так и есть. Ника — моя самая лучшая подруга, и как... вот скажите мне, как?! Я смогу не пойти на ее свадьбу?! Под каким предлогом?! Этого не случится.

Надо просто научиться себя контролировать. Я же не животное, в конце то концов! И я могу себя контролировать!

Убеждаю себя, пока наш декан что-то там лопочет по поводу преддипломной практики.

«Супер важно», бла-бла-бла, «Последняя возможность!», ага-ага, «На ее базе вы будете писать диплом!», ну и далее

по списку. Я это понимаю и изо всех сил стараюсь отодвинуть все свои тревобления подальше. Как бороться с Доводом пока не решила, и, опять же, давайте мыслить разумно: я вряд ли решу этот вопрос в ближайший час, раз за три года полный голяк.

Папа предлагал мне пойти к психотерапевту? И знаете? Вот сейчас мне кажется, что это хорошая, единственная идея, имеющая хотя бы подобие КПД. Я сама не справляюсь и не вывожу. Секс у лодочного домика тому яркий пример — Я не могу. Держаться. От. Него. На. Расстоянии.

Потому что не хочу, а хочу обратного, вопреки всем доводам разума.

Фу, Довод и здесь...меня от слова дергает, но благодаря этому, я понимаю, что вся аудитория требовательно смотрит на меня.

Господи, ну что еще?!

Пару раз моргаю и сажусь на стуле ровно, смотрю на декана. Он мерзко ухмыляется.

Вообще, я его терпеть не могу, как и он меня. Примерно четыре месяца назад, этот старый, жирный кусок дерьма, пытался путем шантажа заставить меня с ним спать. «Завалю», трамвай куплю и далее по списку. Я обратилась к Никите. Ха! Видели бы вы его рожу, когда будущий муж моей кисы и по совместительству крутой адвокат покидал кабинет, перед которым я нервно ногти кусала. Пунцовый, в пятнах, с мощной испариной на лбу. Не знаю, что Ник ему такого ска-

зал, базируясь на просто пшике, то есть на моих жалобах, так как доказательств у меня, ясен перец, не было, но притязания прекратились. Однако, теперь я, как Гитлер для всего мира — бельмо на глазу и самый ненавистный человек во всей вселенной.

Так что логично, что он не упускает возможности меня подколоть едко...

- Как хорошо, что Крупская удостоила нас всех своим вниманием. Что такое, Женечка? О чем так задумалась? Хорошо выходные провела?

Да пошел ты на хер!

По аудитории проносится тихий смешок, как легкий ветерок по полю с высокими колосьями пшеницы. Я ловлю на себе заинтересованные взгляды, которые отражают весь этот непристойный намек. А намек здесь явный! Поверьте, явный! Мол, на бурную, молодую жизнь.

Мои одноклассники знают, что с мужиками я не встречаюсь. Парни пытались, пара очень настойчиво, но если кто-то не понимал моих слов, подключался папа. Его боялись дико, но кто винить то будет? Он под два метра высотой, широкоплечий, бывший боксер и мастер спорта! И все равно! Такие намеки хочешь, не хочешь, а вредят репутации. Тут уж никуда не денешься... ну или почти никуда.

Всегда можно вернуть словечко в ответ.

Я улыбаюсь мило и тяну:

- Выходные прошли за учебниками, Николай Александро-

вич, а ваши? Нашли студентку, с которой поделитесь знаниями и опытом? Простите, что не согласилась на такое предложение, и если вы так злитесь из-за этого — тоже простите. Я лучше изучаю материал сама, чем с кем-то — иногда так просто бывает. Разве Никита Андреевич не объяснил?

Строю максимально милое выражение лица, пока он метает в меня молнии. Вот так тебе! Старый козел! Чтоб непременно было к девчонкам малолетним со своим огрызком даже близко подходить!

- Кстати, об этом... - тихо продолжаю, - Если вы не поняли, он может снова с вами побеседовать про память и лучшие способы усвоения информации. И, кстати, не только про мои. Вдруг кому-то помощь нужна будет...

Черт, меня сегодня явно понесло. Я не могу остановиться! Угрожаю ему прилюдно! ПРИЛЮДНО! Женя, ты спятила!

Наверно, так и есть. То, что я творю и говорю не попадает ни под какие рамки — и он, и я, и все двадцать человек в аудитории это понимают. Если честно, мы понимаем даже больше: и намеки, и достойный отпор. Теперь я ловлю на себе взгляды, напитанные огромным уважением, так как про нашего милого декана легенды ходят. Администрация делает вид, что ничего не знает. Студенты про себя шушукаются, но тоже не особо пытаются как-то изменить ситуацию. Принято то как? Пока меня это не касается — неважно. Только Крупской больше всех надо!

Я себя проклиная на чем свет стоит и уже знаю, что на

практику меня отправят в самое дерьмовое место с самым конченным куратором из всех. А как я диплом защищать буду? Боже... мне каюк. Он точно сделает все, чтобы завалить, так что теперь не пойти на свадьбу к Никите и Нике — это совсем не вариант, так как теперь Астафьев будет у меня на быстром наборе.

Надо будет ему сегодня и позвонить... Думаю, пока декан, оторвав от меня свои свиные глазенки, продолжает говорить. И хотелось бы верить, что игнор его — мне спасение, только не получается как-то.

Мне каюк.

Твою мать...

Вот правильно говорят, что беда не приходит одна. Теперь мне не только от Довода отмахиваться, так еще и от этого козла. Прекрасно! Научиться бы тебе, Евгения, рот свой закрывать, когда надо. Для начала неплохо было бы научиться определять «когда надо», так что, можно сказать, у меня долгоиграющие планы.

А пока...

- А теперь по поводу назначения на места.

Ну вот и все. Недолго музыка играла.

- У меня для вас шикарные новости! Одна очень крупная, успешная компания изъявила желание начать сотрудничать с нашим университетом! Эта компания имеет потрясающий...

Бла-бла-бла. Я закатываю глаза и смотрю в потолок: все ясно. Кто-то почуял запах жирного отката... Наверно, боль-

ше задниц студенток, декан обожает только бабки. Объясняю: обычно за практику платят хотя бы какие-то гроши, но у нас? Не дождетесь. Точнее как? Они то платят, но не нам. Студенты это молча проглатывают, вы сами понимаете, и схема живуча и благонадежна, как тараканы на помойке. А в этом случае? Ох, вы только послушайте...

«Европейский рынок», «огромный оборот», «широкая специализация», «потрясающие контракты» — сколько эпитетов и все только приятные! Кажется, кто-то лижет задницу со всей отдачей, а это значит, что кто-то хочет произвести очень хорошее впечатление. Хм...

Оборачиваюсь, пристально рассматриваю людей, но одни знакомые рожи. Перед кем он так выеживается?! Как уж на сковородке крутится, вы посмотрите. Спорю на что угодно, даже сальто сделает, если того потребует ситуация.

Ладно. Плевать. Может быть кто-то из управления где-то поблизости? Например, гуляет по корпусу с делегацией? А старый такие батманы выписывает на случай, если делегация заглянет в аудиторию. Вполне нормальное объяснение.

Я быстро к ситуации теряю интерес, хотя вижу, как мои одноклассники все по струнке вытянулись. Понимаю. Да, нам не платят, но возможность попасть в крупную компанию, где ты можешь задержаться по итогу — это все потрясающая возможность. Которая мне не светит при любом раскладе. Жаль, конечно, я бы тоже хотела после выпуска уже иметь что-то вроде «надежного тыла», но меня туда ни за

что не направят. Надо было спинку прогнуть и ноги шире расставить, чтобы получить место...

Кожу обдаёт мурашками. Я ежусь, хмурюсь и прикрываю глаза. Снова о нём вспомнила. Зачем?! Зачем ты все время это делаешь?! Ещё и предчувствие какое-то дико-дико странное!

Очередная паранойя... Ох, Женек, когда-нибудь это точно кончится, а пока...

Слышу, как все мои «знакомые рожи» в момент будто замирают и резко начинают шушукаться. Что такое? Странно.

Открываю глаза, а они все на декана таращатся. Мальчишки с явным благоговением, девчонки раскрасневшимися раками. О боже. Что такое?!

Резко поворачиваю голову и застываю.

О нет.

Вы догадались?!

О НЕТ!!!

Конечно, да! Да, твою мать!!!

Стоит. В черном костюме с белой рубашкой, расстегнутой на верхних пуговицах. Лощённый. Взгляд скучающий. Волосы назад.

Довод.

Довод, мать твою, Скотина Алексеевна!

Кулаки сами собой сжимаются, пока он лениво проходит по аудитории своим фирменным взглядом «короля всех королей». Да чтоб ты провалился!

Останавливается на мне дольше, чем на остальных. Вижу, как в уголке его проклятых губ играет невидимая усмешка, а потом он переводит внимание на декана. Тот тараторит, чуть в пол не кланяется, а Влад взмахом руки прерывает бесконечный треп.

Странно. Ты же обожаешь, когда тебе кланяются, мудака!
Шумно выдыхаю носом.

Ублюдок...

- Списки взглянуть можно? - говорит тихо, декан сразу кивает и подсовывает ему черную папку.

- Да-да, вот. Мы уже подготовили пару студентов, которые...

- Я это уже слышал.

Декан краснеет. Я же догадываюсь, кого он пророчил на вакантное место — Савельеву, которая ему не отказала, если верить слухам и ее активной работе в деканате, и Кириленко — своего племянника, о родстве которых, конечно же никто не знает, но конечно же знают все.

- Вот эти молодые люди...- снова начинает говорить декан, однако Влад, который медленно вел по списку, внезапно останавливается.

- Хм...какая интересная фамилия.

О нет.

- Громкая. Знаменитая. И связана с...

О НЕТ-НЕТ-НЕТ!!!

- Политикой. Вы, наверно, знаете, что я тоже ей очень

увлечен...Крупская*! Могу увидеть девушку?

Все разом смотрят на меня. Савельева готова кусок из горла вырвать, а Кириленко глаза себе выдавить, так отчаянно щурившись.

Я же хочу провалиться сквозь землю...

Декан пылает негодованием.

- Эта девушка...

- Я хочу ее увидеть, - холодно обрубает Влад, а потом переводит взгляд на «класс» и сразу впивается в меня.

Я его убить готова. Вот прямо сейчас. Сорваться с места, схватит шариковую ручку и воткнуть в шею по самый задний колпачок. Скотина...

- Конечно... - поняв, что спорить бесполезно, декан указывает на меня, но сам не смотрит.

Настолько ему неприятно все, что здесь происходит.

- Женя, встань.

Делать нечего.

Глядя на этого ублюдка лощенного испепеляюще, встаю медленно. А он по мне взглядом бесцеремонно проходится, будто раздевает! Господи! Ты просто ублюдок!

- Ев-ге-ни-я... - тихо катает на языке мое имя, - Крупская. Интересно...

Чтоб ты сдох — чтоб ты сдох — чтоб ты сдох!!!

- Она мне подходит.

О нее-е-ет...

Вердикт и без того был очевидным, согласна, но я при-

крываю глаза и опускаю голову, как будто получила только что смертный приговор, а этого совсем не ожидала. Да ожидала я! Что как только он появился на горизонте — на меня уже навели все ружья мира. Просто... не знаю? Рассчитывала получить амнистию? Пусть вечное наказание в виде пожизненного лишения свободы, но не смерть.

Глупая...

- Эта девушка не лучший вари... - пытается оплешиветь меня декан, но Влад резко на него смотрит и отрезает.

- Она мне подходит.

А потом просто разворачивается и уходит. Как обычно — просто уходит, не сказав мне ни слова и даже не взглянув. По-английски, как привык.

- Охренеть! Тебе так повезло! - наперебой пищат подружки.

- Видала какой красавчик?!

- Да от него можно свечи зажигать, как от спички! Фу-ух...горяч...

Только Нина на меня смотрит с неприкрытым сочувствием, пока мы идем по длинному коридору к выходу. Она ничего в слух не говорит, но я чувствую, как мысленно гладит меня по спине и успокаивает.

Спасибо, моя огненная принцесса, спасибо.

Я ей слегка улыбаюсь, киваю, и сразу прячу глаза в пол.

Не хочу, чтобы кто-то увидел всю мою боль в ответ на эти бесконечные дифирамбы...

- Евгения, задержитесь!

Замираю резко, когда слышу за спиной его голос. Он ударяет, как ледяной душ, а еще как кандалы на шее, которые с удовольствием дернули назад. Мол, куда собралась?! Я тебя еще не отпускал!

Поворачиваюсь — стоит. Говорит о чем-то с той самой делегацией, в которую теперь входит и декан. Он на меня смотрит настолько уничижительно, что я теряю весь свой запал и хочу умереть, но говорю только:

- Идите, - подружки выгибают брови.

- Тебя не ждать?

- Я все равно сразу домой потом.

Рыдать.

- А как же кафе? - ноет Крис, но Нина и тут меня выручает.

- Ты опять не слушала! Она же сказала, что ей потом надо домой! Папа просил помочь!

- Ой, правда?

- Пошли уже!

Я посылаю Нине еще одну благодарность, а она прикладывает к уху руку, изображая сотовую трубку.

«Позвонишь?» — одними губами.

Киваю. Скорее всего сегодня я точно никому не стану звонить, потому что знаю, что этот кусок ублюдка проедется по

мне катком.

А он проедется.

Вижу в мимолетном взгляде, которым он меня ошпаривает, проверяя, стою я на месте или нет.

Стою. Думаешь, побегу?! Отсоси! Я больше не ребенок. Но самое важное, я больше не питаю надежды от тебя сбегать. От дьявола так просто не скроешься...

Влад заканчивает свой разговор и наконец-то поворачивается в мою сторону. Эти пять минут были для меня некой такой...ниточкой до динамита, знаете? Огонек по ней медленно ползет-ползет-ползет, а как только козел останавливается напротив — доходит до цели. И БАБАХ!

Он не успевает и рта раскрыть, как я хватаю его за лацкан пиджака и тащу в ближайший темный коридор, где прижимаю к стене и шиплю.

- Какого хера?!

Влад улыбается. Я почти не вижу его лица, только хищные клыки, а воображение достраивает остальное. И как глаза блаженно прикрывает, прижавшись затылком о стену, и как с ленцой меня рассматривает из под опущенных ресниц.

Да сгоришь ты когда-нибудь в аду или нет?!

- Я спросила...

- Не глухой, - тихо, со смешком перебивает, - На слух не жалуюсь.

- А на голову?! Ты меня преследуешь!

- Я же сказал — мы еще не закончили.

Увы, мы и не начинали.

Злюсь еще больше, приближаюсь тоже сильнее. Мне реально хочется ему вмазать, так что кулаки аж зудят, а я прекрасно понимаю — не вариант. Это только еще один повод зацепиться...поэтому глухо шепчу. Угрожающе, конечно, но на этом все.

- Оставь меня в покое, чертов псих!

- Разве так говорят со своим начальником, малышка?

Чувствую, как он тянет ко мне свою лапу и резко по ней бью — если дотронется, я же сдохну прямо на месте! Это как молнию словить — она от тебя живого места не оставит и на входе, и на выходе.

- Не смей меня трогать!

- В прошлый раз ты не жаловалась, - усмехается, - Что изменилось? Выпить надо перед...

- Ты конченный мудак! - повышаю голос, но орать на него тоже не вариант.

Во-первых, услышат. Во-вторых, это совершенно точно не возымеет никакого эффекта. Поэтому, фу-у-х! Успокоилась. Собралась. И конструктива побольше, а не разборок бессмысленных.

- Что тебе от меня надо?! - хриплю, Влад молчит.

Я чувствую, как он на меня смотрит долго, и это бесит. Снова задыхаюсь. Его именем, пожалуй, надо назвать оружие массового поражения. При воздействии отказывают легкие.

Господи, как же я тебя ненавижу...

Господи, как на это всем насрать.

Влад резко хватает меня за горло и рвет на себя так, что я через мгновение чувствую его дыхание на своем лице.

Покрываюсь мурашками.

Не могу пошевелиться, так как его запах сзади связал мне руки, а только глазами хлопаю. Чувствую его. Как медленно он проводит носом по моим волосам, как касается им же щеки, идет ниже, при этом до моего хрипа сдавливая пальцы. Но молчит. А темнота раскрывает рецепторы и поджигает внутренности сильнее — остро, страшно, но нереально тянет. С ним так всегда, а в темноте еще сильнее.

- Отпусти... - умоляю шепотом, хватаясь за его запястье, слышу ухмылку.

Влад совсем слегка касается моих губ и хрипло спрашивает.

- Как думаешь, что мне может быть нужно от *такой, как ты?*

Сильный толчок. Настолько, что я врезаюсь в стену напротив и больше не чувствую ничего. В смысле...не узнаю его даже в очертаниях темной фигуры. Он холоднее льда, неприступней Антарктики, отгорожен и собран, пока я...не дышу.

Ты снова не даешь мне дышать! И я чувствую, что получаешь от этого удовольствие...за что? За что ты так со мной?! Со своим пренебрежением, намеками, тоном? Просто...за

что?...

- В восемь будь в моем офисе. Поговорим о *важном*.

- О ва...важном?

- О том, как будет проходить твоя практика. На каких основаниях. И на каких *условиях*.

«Условия» дают мощный апперкот. Понятно...

- В восемь, Крупская. Не приедешь? Пеняй на себя.

Влад отталкивается от стены и уходит, быстро и четко чеканя шаг, а я...смотрю ему в спину, пока он не скрывается за поворотом, потом съезжаю по стене и закрываю руками лицо.

Знаю я, о чем он хочет поговорить. Точнее, догадываюсь. Что ему еще может быть нужно от *такой, как я?! Женек* только для одного годится, так?! Так!

И я так внезапно...злюсь! Мне больно просто дико, а из боли рождается самая тугая ярость, если что.

Как он смеет так со мной?! Как он...он смеет! Довод не собирается разговаривать со мной о том, что произошло три года назад. Я интуитивно это чувствую, ведь разве случилось что-то важное? Нет. Зато разговор о том, как будет *проходить моя практика*— вот это важно. В каких позах, когда, что я должна, а что не должна — вот что важно. Не рассчитывай на большее, *Женек*.

Думаю, что это та самая «шоковая» пуля, которая давит на все триггеры разом. Я...знаете...просто отключаюсь. Внутри кипит ярость дикая, как пламя самого старого, беспокой-

ного вулкана. Того, что способен спалить все на своем пути! Потому что...у меня в голове есть только одна устойчивая мысль:

«Ты не даешь мне дышать — я тоже»

И ты пожалеешь. Клянусь, ты так, сука, пожалеешь!

Пока крашусь легче не становится. Я одеваю то самое платье золотое, которое оставило на его морде свой след, киваю своему отражению, но на миг останавливаюсь, чтобы прислушаться. Жду, что разум начнет что-то вопить — но он нем. Возможно, тоже согласен? Хотя скорее всего просто и его спалило до основания.

Огонь моей дикой ненависти, который обещает исключительно месть. В самом неприглядном ее виде...

**Надежда Константиновна Кру́пская*— российская революционерка, советский государственный, партийный, общественный и культурный деятель, организатор и главный идеолог советского образования и коммунистического воспитания молодёжи. Известна также как супруга Владимира Ильича Ленина.

Глава 5. Месть

Знаете, что больше всего ненавидит Довод? Когда его не слушаются. Когда он теряет контроль. Когда что-то идет не по плану.

Он, как человек «порядка», где все разложено по полочкам, просто терпеть не может, когда в его жизнь врываются какие-то обстоятельства и рушат, ломают, крушат там все подряд. Например, для любого из нас спущенная шина станет бесспорно неприятным событием. Мы расстроимся, может быть, даже разозлимся, но согласитесь, едва ли это конец света, так? Для Влада все иначе. Я помню, как мы поехали по весне в одну конюшню, потому что мне страшно хотелось увидеть лошадей. По дороге туда Алексеевич на меня отвлекся и наехал на какую-то доску с гвоздями — пробил колесо до диска.

Планы — насмарку.

Охо-хо... как же он злился... Буквально кипел! До слез меня довел, придурок. Я тогда на себя все это приняла: мол, если бы не погнала его хрен пойми куда, ничего бы не случилось... Справедливости ради, Влад меня утешил. Он крепко обнял и сказал: ты ни в чем не виновата. Потом еще и объяснил. Дело вот в чем — мол, «когда что-то идет не так, когда мой мир рушится, а он может начать рушиться из-за малейшего пустяка, начинаю дико злиться. Особенно если

понимаю, что ничего не могу изменить, как не стараюсь. Я должен все держать под контролем, маленькая, пойми»

Педант. Перфекционист. Конченый придурок. Но я тогда лишь улыбалась...шепотом то он добавил:

«К тому же...если честно, то я испугался. Мы чуть не разбились...ты могла пострадать...»

Он за меня переживал. Тогда казалось, что это правда — Влад сильно нервничал и несколько раз переспросил, не ударила ли я чем-то. А эта его черта? Что ж, и она пришлась мне по вкусу. Подчеркивала серьезность, безумно привлекала, ведь что может быть лучше мужчины, который привык всегда все держать под контролем? Так он казался *всесильным* и невозмутимым. Словно он может руководить миром, как бог, которому абсолютно все по плечу.

Глупая-глупая девочка. Очарованная, по уши влюбленная малолетка. Я же тогда совсем не думала, что, возможно, притянула его так сильно, потому что изначально выбивалась из привычной схемы. И он не мог меня контролировать! Не мог просчитать мои поступки и слова! Он просто не мог! А все новое, как известно, кажется невероятно притягательным...но есть ли в этом чувства? Едва ли.

Сердце несогласно. Я пока еду и киплю всеми фибрами души, то и дело слышу, как где-то на задворках сознания, оно пылает и пульсирует: Влад тебя любил, не придумывай. Не подгоняй ситуацию под удобную тебе версию. Не перекручивай события. Все было не так. Он тебя любил. Лю-

бил...и ты это знаешь.

Однако, на этот раз я быстро заталкиваю все сердечное так глубоко, что когда выхожу перед его офисом, уже ничего не чувствую. Кроме предвкушения. И счастья. Да, счастья. Что наконец-то я, а не он, щелкнет оппонента по носу.

Сегодня выиграю я! И мне это известно. Иначе просто быть не может! Влад же вряд ли ожидает подвоха...

Ага. Зря. Зря ты, собака, все еще меня недооцениваешь.

Я намерено опаздываю на пятнадцать минут, чтобы выбить у него почву из под ног посильнее. Мне просто необходимо расшатать мрамор под его начищенными туфлями, понимаете?! Так он потеряет бдительность. Так он будет поглощен своими эмоциями. Так он будет кипеть — и его гнев сыграет мне на руку.

И, конечно же, в этом мой прагматизм работает на ура.

Когда я открываю дверь его кабинета, Влад стоит у окна. Опять же, его спокойная поза не говорит ровным счетом ничего. Не обманывайтесь — она эфемерна. Тот факт, что он сейчас похож на изваяние — ничто. Я чувствую, *я знаю*, как изнутри его в данный момент подрывают все бомбы мира.

Нравится, сука?!

Ухмыляюсь, а когда слышу тихий голос, ухмыляюсь только шире.

- Я сказал к восьми.

- Извините, часы сломались.

Захлопываю за собой дверь, отрезая любопытствующую

секретаршу от доступа к тому, что здесь будет происходить сейчас.

Извини, подруга, но я жадная. Все, что он сейчас почувствует — мое. Он мне задолжал до последней капли своих эмоций.

Влад резко оборачивается.

Как я и говорила — глаза пылают, но стоит ему меня увидеть, как взгляд тут же становится удивленным. А еще шокированным. Но да, ему нравится то, что он видит.

Я знаю.

Еще в клубе я заметила, что тебе все еще нравится. У лодочного домика, когда ты снова утратил весь свой контроль? В копилку туда же. Я все еще могу крутить тобой, и как ты не отрицаешь — это так.

Кадык его дергается, стоит мне прикоснуться к пуговицам своего плаща. Я опять же ликую.

- Поговорим о *важном*, господин Довод?

Спрашиваю тихо, пока расстегиваю верхнюю одежду — он на меня смотрит зачаровано. А я подмечаю...

Он так изменился...

Знаете? Ты когда человека любишь и проводишь с ним много времени, быстро узнаешь его до последней запятой. Влад очень сильно изменился.

Первый шок от встречи растворился, и теперь я вижу четко. Внешне все также прекрасный, молодой мужчина, внутри стал совершенно другим. Он будто утратил всю свою уве-

ренность, стал более резким, дёрганым и безумным. Да, безумным — это хорошее слово. Оно очень четко описывает его состояние, ведь даже сейчас, когда он старается держаться ровно, медленно занимая свое кресло — я вижу, как его буквально потряхивает.

Что с тобой стало? Глупо спрашивает сердечко. Что тебя так беспокоит?

Оно все еще уверено, что его что-то беспокоит — ха! Вы только посмотрите. Бьется быстрее, когда я не удерживаюсь и позволяю ему на миг взять верх. Тянется...хочет успокоить. Оно чувствует нерв, напряжение и какую-то дикую...тревогу что ли? Влад абсолютно точно встревожен, и дело не в моей маленькой хитрости. В чем-то другом. Очень похожим на состояние, когда ты что-то ищешь, преследуешь и пытаешься достать, но не можешь по любым причинам. От физических возможностей, до возможностей, который от тебя не зависят. Которые воздействуют извне.

Будто он лишился покоя...

Глупости!

Отрезаю решительно.

Это просто глупости! Единственное, что он потерял — это совесть! И те крохи сердечности, которые даже мой разум признает. Довод все-таки не монстр и не Бог, как бы не хотел обратного, и все человеческое ему не чуждо. Может быть с выборами какие-то накладки? Или контракты полетели к чертям? А еще вполне может быть, у него просто паста за-

кончилась прямо с утра — вот он и психует! Говорю же, этого мужчину любая мелочь может выбить из колеи, так что жалеть его не смей! Он тебя три года назад не пожалел, когда обещал вернуться, но вместо счастливого будущего отмахнулся дерьмовой смс-кой, как в плохом анекдоте. Так что никакой жалости! Точка!

Плащ падает к моим ногам.

Я наклоняю голову на бок, он борется с шоком. Глаза вспыхивают, кадык снова идет наверх и опускается, а потом я слышу, как он прочищает горло, чтобы не выдать себя.

- Пытаешься выбить себе более удачные условия работы? Я...

- Я знаю, чего ты хочешь, - перебиваю его хрип и снова бешу.

Влад резко выдыхает, ноздри раздуваются, а меня только улыбает сильнее. Давай, сука, злись. Злись! Твоя ярость помешает увидеть то, что сейчас будет происходить прямо перед твоим *блядским* носом! Давай!

Делаю на него плавный шаг, слегка улыбаюсь. Слышу, как шумно он проглатывает слюну.

- Да ну?

- Это очевидно. То, чего ты хочешь. Хорошо. Я согласна. Но на моих условиях.

Кабинет обволакивает его тихий, хриплый смех. Стараюсь игнорировать мурашки, которые бегут по моей коже, потому что не хочу отпускать контроль. С меня хватит! Я достаточ-

но уже натворила на пьяную голову, и теперь настало время пьянить его.

Еще одно слабое место Довода — он думает, что самый умный. Увы, это едва ли так. Иначе он вряд ли забыл об очень важной, народной мудрости: женщины в гневе — страшнее фурии.

Это так. Так, твою мать! Возможно, вы, ублюдки, сильнее нас физически, но ни один даже самый раскаченный мужик, рядом не встанет с женщиной по силе ее души.

Нравится кому-то или нет, но это тоже правда. Чаще всего, мужчина неспособен выдержать и половины того, что может вынести женщина. По ударам судьбы и способам их пережить мы уверенно лидируем, и это своего рода баланс вселенной: любой мужчина в схватке физической выиграет, но в ментальной? Охо-хо...никогда!

Мой папа тому живой пример: смерть любимой женщины его настолько подкосила, что он долгие годы пребывал в глубокой депрессии, и только рождение внука стало для него хорошим, шоковым разрядом. А могло бы и не быть так! Часто не бывает...Он просто сильнее многих, и ему удалось зацепиться за спасательный круг, который бросила судьба. Часто бывает наоборот.

Но я об этом думать не хочу, потому что этому ублюдку никаких кругов никто бросать не собирается, ясно?! Сегодня он поймет: не беси женщину, особенно ту, которой ты так жестоко разбил сердце.

Она разобьет тебе яйца!

И я ухмыляюсь, когда подхожу к его столу и присаживаюсь прямо напротив на краешек, приподняв брови.

Влад за мной пристально наблюдает. Кажется, он не может даже пошевелиться, хотя почему это «кажется»? Не может. Он, как любой, другой мужик, во власти сисек и моей тугой попки. Ха! Неужели у Довода есть еще одно слабое место? А как же ваша жена, господин-будущее-политики? Наверно, постарела? Поплохела? Надоела? Снова. Но ничего. Мне до этого, объективно, дела нет. Не сегодня, по крайней мере. Все свое самобичевание я на потом оставляю. Знаю, что, скорее всего, будет дико стыдно, но это тоже потом.

Все потом. А пока...

- Это случится всего один раз. Сейчас. И ты подпишешь все мои документы, включая пустую форму с характеристикой. Я заполню ее сама, чтобы больше никогда не видеть твою рожу.

Влад часто моргает и резко поднимает на меня глаза.

- Нет.

Хрипло.

Но я и к такому повороту готова. Довод ненавидит, когда ему ставят условия. Он привык сам решать и определять свою судьбу, а еще он привык сам трахать.

Извини, малыш, сегодня никакой твоей доминации не будет. Я решаю. И ты прогнешься. При том, мы оба знаем, что ты прогнешься. Повыделываешься, но все равно примешь

мои правила — *ты их примешь*. Я твой стояк уже чувствую.

Усмехаюсь, а потом тянусь к тонюсеньким лямкам, которые крепятся на «легкую» застежку на шее. Я ее открываю. Платье медленно струится по коже и опадает, оставшись на бедрах невесомой вуалью — твои карты биты.

Обнажена телом, но полностью закрыта душой. Я не тянусь к нему сейчас. Все, чем я тянулась когда-то под замком. Злость, даже ярость! И тонна обиды такой силы может закрыть на любые замки любую любовь. Какой бы сильной она не была — и меня сейчас действительно больше всего на свете заботит месть.

Я хочу отомстить за то, что он со мной сделал! Хочу и имею право на это! Законное! Не думаю о последствиях, не думаю о морали — мне правда насрать. Все, чего я хочу, это сделать ему больно. Как он мне сделал. И я этого добьюсь, даже если потом сгорю дотла — добьюсь. Со всем остальным разбираться буду позже, сейчас шепчу.

- Либо так, либо никак, господин Довод. Не согласишься? Продолжишь права качать? Я просто оденусь и уйду.

Влад пару раз медленно моргает, но он не в силах оторваться от моего тела. Его взгляд оставляет на коже буквально осязаемые ожоги. Он жадный, страстный, дикий — знакомый мне очень хорошо. От него соски встают и низ живота наливается похотью, но это, опять же, не первостепенное. В конце концов и не минус. Я получу двойное удовольствием: и телом, и душой. В последний раз.

- Я не трахаюсь в офисе, - шепчет, кое как хватаясь за последние жалкие попытки свернуть разговор в свое русло, но я, опять же, усмехаюсь.

Потому что сегодня баллом правлю я. Ты потерял все поводья, дорогой.

- Тогда я ухожу, потому что ни в какой Лисий нос я с тобой не поеду.

Влад снова резко смотрит на меня, а я надменно цежу с высоты своего успеха.

- Здесь или нигде. Выбирай.

До скрипа сжимает подлокотники. Я знаю, что это опасная игра, что теоретически он может схватить меня и *заставить*, но я также знаю, что делать этого Влад не будет. Банально гордость не позволит, принудить женщину к близости: в прошлом он никогда меня не заставлял, даже у лодочного домика не заставлял. Да, перешел парочку границ, но по факту...если бы я сказала «нет», было бы «нет». Просто я не хотела. Это горькая правда — но я не хотела.

Простите.

Сейчас же все иначе. Мы оба это знаем, и ему не остается ничего, кроме как кивнуть.

Желание слишком велико.

Наверно, он в голове своей построил пару планов по тому, как будет прогибать меня дальше. Все-таки и свадьба впереди, и учебой может крутить в теории, но я знаю, что ничего у него не выйдет.

Я ненавижу этого мужчину. И это в последний раз, когда я позволю своему телу почувствовать его прикосновения. Хватит! Любить его хватит. Это последний раз, когда моей душе еще можно его любить...

Сегодня будет поставлена точка.

Я достаю из сумочки листы со своим направлением и кладу перед ним, а пока он подписывает все по очереди, тоже времени зря не теряю. Улыбаюсь, глядя прямо в экран его монитора, где стоит камера. Я уверена, что она все еще стоит. Показываю средний палец и отворачиваюсь спиной, как раз в тот момент, когда ручка перестает царапать.

Он отодвигает бумаги решительно, я забираю их, глядя в глаза.

Молчу.

На миг смущаюсь, он за мной наблюдает с интересом. Не торопит. Ждет. А мне снова становится горько: как так вышло, малыш? Мы же любили друг друга... что с нами стало?

Хватит, Жень! Хватит! Не было никакой любви. Одна только ложь, помноженная на притворство... Одна только ложь...

Горечь на языке прибавляет сил. Я отрываюсь от своего места и выпрямляюсь, чтобы платье упало на пол, а потом делаю на него шаг.

Мне никто не мешает.

Кажется, он смотрит на меня, как на мираж. Это подкупает, черт возьми, и снова ломает мою ярость. Точнее? Пыта-

ется. Я не позволяю. Глаза свои сразу отвожу и присаживаюсь перед ним на колени. Расстегиваю ширинку.

Как и предполагалось — Довод в полной, боевой готовности. Кладет мне руку на щеку, слегка проводит по ней пальцем, спускается плавно к губам. Прикусываю за подушечку, а потом шепчу нагло. С издевкой. И да, я снова получаю порцию своей сатисфакции, обламывая в том, что он так любит.

- Не рассчитывай на минет, дорогой.

Влад тихо усмехается.

- Почему это?

- Жена тебе сосать будет.

- Тебя смущает кольцо? - резко смотрю на него, крепну в своей ненависти, а он просто снимает его и откидывает на стол, - Проблема решена.

О нет. Проблемы только начинаются. У тебя.

Настырно отстраняюсь до сумочки, откуда достаю презерватив. Резко его раскрываю зубами. Каждым движением транслирую все то, что сейчас крутится в груди, как смерч — все оттенки моей ненависти на лицо.

Он даже шипит, когда я слишком резко раскатываю колечко по его стволу, щурится, но меня это мало волнует. Я встаю и, не отводя взгляда, забираюсь сверху, а потом с силой опускаюсь на него до упора.

Влад громко стонет.

Мне...тоже хорошо. Не буду отрицать, что не смотря ни на что — ощущения быть им наполненной все также кусают

рецепторы и сводят внутри все грани моего безумия к одной точке.

К нему.

Я получаю удовольствие. И физически, и морально. Да, это так. Когда поднимаюсь и снова опускаюсь, вырывав еще один стон — оно только усиливается. Влад вонзает мне пальцы в бедра, сам бесится, а сделать ничего не может. Я хватаю его за подбородок и не даю отвернуться — хочу, чтобы он видел все. Все, что сделал со мной до последней запятой.

Знаю, что видит.

Я даже не пытаюсь скрыть. И разочарование, и боль, и пришедшая от них ненависть — все это твоих рук дело, ублюдок. Такое приходит только после огромной любви, которую ты просто разрушил! Ты все уничтожил! Просто так! Просто потому что... испугался?! Решил?! Я не знаю почему! Ты мне даже ничего не объяснил! Ты просто выкинул меня из своей жизни, оставил умирать одну! Ты меня бросил! И я тебя за это никогда не прощу!

За то, что ты так и не вернулся... как обещал. Ты не вернулся ко мне домой... где я, кажется, все еще жду тебя, свернувшись клубочком в твоей толстовке, которая хранится в самом потаённом, дальнем отделении моего шкафа.

Последнее, что мне осталось той ночью. Последнее, что хранит твой запах до сих пор...

Секс был, как обычно, до омерзения хорош. К сожалению, даже окрашенный самыми гадкими красками, он продолжает приносить какое-то болезненное удовольствие, и пока я одеваюсь, повернувшись к нему спиной, стараюсь от этого не зарыдать.

Мы так ничего и не сказали друг другу. Но, если честно, в этом нет ничего удивительного — говорить то нам о чем? Мне кажется, что он именно так и думает. Наверно, надеется, что я выросла и поняла все сама: сказки они ведь для детей, и только в сказках женатые мужики бросают королев ради каких-то там голодранок.

Это действительно был урок. От жизни? От него? От Евы? В принципе уже и неважно совсем. У меня не осталось сил в этом копать.

Вместо, я подхожу к столу и слегка усмехаюсь.

Я помню, как после разговора Никиты с деканом, он подвозил меня до дома и дал очень-очень хороший совет: записывай на камеру, если почувствуешь угрозу.

«Лучше иметь доказательства, чем иметь «ничего», Жень. Не всегда может сработать обычный блеф»

Мудрость на века.

Особенно в данном случае.

Я забираю свой телефон, который незаметно пристроила рядом с рамкой с фотографией его *блядской* жены. И в этом нет символизма. Разве что болезненная ирония. Намеренная. Я просто не смогла удержаться! И сейчас, когда чувствую его

взгляд на своей спине, знаю, что не поверну назад, даже если знаю, что поступаю плохо.

Чувствую, что он явно хочет что-то сказать, но как будто не решается. И правильно. Довод, мне надоело ждать каких-то объяснений, ты прав. Действительно прав! Они мне больше просто не нужны, поэтому я перебиваю застрявшие в глотке слова.

- Можно мне позвонить? Деньги кончились на телефоне.

Влад шумно выдыхает.

Не за что.

Я почему-то воспринимаю это, как выдох облегчения, от чего, конечно, все равно больно. Да, мне больно! Но и это значения не имеет. К этой боли я уже привыкла и, наверно, без нее мне будет одиноко. А еще именно она предает решимости, когда Влад, помедлив, подходит к столу и кладет на него свой телефон.

- Конечно.

Снова хочет что-то сказать. Снова смотрит на меня, но я упрямо не отвечаю, зато чувствую, как он тянет ко мне руку.

Надо отшатнуться. Резко отойти на расстояние, чтобы снова оказаться по другую сторону пропасти, что нас разделила, но...

Я, знаете, как на американских горках. То на вершине мира со своей злобой, то ухажу вниз, где правит не разум, а чувства.

Не могу.

Сердце требует. Крепко держит меня на месте. Ждет чего-то... черт, оно вечно чего-то ждет, и я уже устала объяснять, что не будет здесь хэппи энда. Хватит! Просто хватит...

Все равно! Не получается бороться именно сейчас, а спасает меня звонок. Досадно, что не сила воли, однако спасибо, что хотя бы что-то. Я ведь абсолютно точно не готова сворачивать от намеченной цели, но знаю, что снова его прощу и пожалею.

Любовь же все-таки. Бл*дь.

- Мне надо ответить, - звучит его тихий голос, - Это важный звонок.

- Я подожду, чтобы не мешать.

- Спасибо. Да? Привет, Вить...

Довод отходит к окну, а я беру его телефон и себя в руки.

Дальше — дело техники. Я быстро обрезаю кусочек нашего жаркого секса, перекачиваю его со своего мобильного на королевский, а потом нахожу в контактах, собственно, Ее Величество.

Повторять, что я прекрасно знаю — поступаю, как полная скотина, — надо? Наверно, нет. Я лишь на миг медлю, а потом вбиваю текст своего послания:

Вы

Кажется, твой муж все еще меня хочет. Обидно? Горько? Ничего, ты справишься. Считай, это моя сатисфакция,

Чувствую такую мощную волну удовлетворения, когда рядом с сообщением появляются две серые галочки — словами не передать. Еще больше кайфа испытываю, когда рядом с именем госпожи Довод вылезает «в сети». Наслаждайся. Надеюсь, что тебе действительно будет очень больно, а мне пора.

Забираю свою сумочку, иду к плащу, правда за спиной сразу слышу:

- Слушай, я тебе перезвоню, окей? Постой!

Замираю, коснувшись ручки двери.

- Я... - Влад обрывается, тяжело сглатывает, делает на меня шаг, - Ты...

Вау. Неужели я была настолько хороша, что лишила тебя дара речи?

Удержаться не могу, чтобы не посмотреть. Хочу запомнить его взгляд.

А он какой-то... снова безумный. Влад шарит по моему лицу в попытках что-то как будто понять для себя, а меня накрывает вселенская печаль и тяжелая грусть.

Все кончено.

Вот теперь даже я это понимаю — все кончено. Грязно и пошло, как и началось. Женектолько что отыграла свой последний этюд, и это хорошо, но плохо, что вместе с ней уходит и та тонкая нить, что связывала меня с Владом.

А я все еще к этому не готова.

Смотрю на него в ответ, глаза наполняются слезами. Мне в моменте так плохо, как будто разом все нахлынуло и разрушает каждую мою молекулу. Снова и снова. Утрировано только.

Забавно, что когда мне казалось, что я умираю, потому что вот сейчас — это точно до ужаса больно.

Настолько, что я не...могу ни о чем думать. Только пульс шумит в ушах, отбивая ритм бедного, израненного сердца, а в голову приходит мысль: вдруг тогда ты просто меня пожалел? Потому что знал, как разрушительно правда действует на самом деле. Оставить меня без объяснения, возможно, было не такой плохой идеей?...

Очередной звонок возвращает меня с небес на землю. Его личный телефон взрывается громкой мелодией, а я с расстояния вижу, что на экране горит ее имя.

Тут же закрываюсь от него на глухие ворота высотой под самое небо. Стираю упавшие слезы пальцами и усмехаюсь тихо.

- Ответь, тебе понравится, *мальш*.

Влад хмурится, бросает взгляд на телефон, а я открываю дверь и киваю, выходя в нее задом. Потому что хрен я повернусь к нему спиной, и хрен пропущу это выражение лица. Я жадная! И я хочу впитать в себя каждую секунду внезапного озарения...

Да. Тебя поймали. Увы и ах! Но с Богами это тоже случа-

ется...

- Ответь. А еще раз ко мне приблизишься, то, что получила она, увидит весь интернет. Тогда можешь попрощаться с карьерой в политике, мудака, усек?! И я не шучу. Я тебя уни-чтожу, если потребуется! Ни шагу ближе. Я не желаю тебя больше видеть. Никогда!

От автора:

Я хотела добавить платье раньше, но все время забывала)))Хотя лучше поздно, чем никогда?

То самое платье Жени

Глава 6. 3...2...1 — лови!

Абсолютное, мягкое спокойствие.

Впервые за долгие месяцы нервняка и каторги, на душе у меня тишайший штиль. Расслаблена, спокойна, даже в какой-то мере счастлива. Я не знаю, что это: возможно так сладко действует месть? Возможно, понимание, что он наконец-то оставит меня в покое? А возможно, хороший секс? Плевать. Даже если это своего рода наркоз или тишина перед бурей эмоционального потрясения — мне правда насрать.

Я хочу воспользоваться этим временем на всю катушку.

Сейчас вот сижу на кухне и кормлю сына кашкой. Ну как кормлю? Громко сказано. Котенок считал мое состояние и весь из себя особенно игривый. Я ему ложку, а он улыбается и крутится на месте, наклоняя голову то на один бок, то на другой. Невероятно милый, что накатывает горячая волна какой-то огромной, нездоровой благодарности Влад

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.